

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ВЕНДЕТТА.
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Антон Леонтьев

Вендетта. День первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431922

Антон Леонтьев. *Вендетта. День первый*: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-S-699-33190-1

Аннотация

От суммы и от тюрьмы не зарекайся... Настя Лагодина никогда не думала, что эта поговорка может иметь к ней какое-то отношение. Ее отец – неподкупный прокурор, и у семьи есть практически все... Но и врагов предостаточно! Могущественный мафиози Глеб Остоженский пытался «договориться» с Лагодиным, а когда ему это не удалось, инсценировал самоубийство прокурора и ограбление, в результате которого погибла его жена. Настя осталась совсем одна, но преодолела отчаяние, решив выяснить, кто на самом деле виновен в гибели ее родителей. И оказалась за решеткой! Только в тюрьме Настя начала прозревать – добрый «дядя Глеб», друг семьи, вовсе не тот, кем хочет казаться. Но неужели его сын Максим, первая настоящая любовь Насти, тоже причастен к смерти ее родителей?

Антон Леонтьев

Вендетта. День первый

Город Насте не понравился. Он так разительно отличался от ее родного Ленинграда! Вместо широких проспектов и величественных дворцов – похожие друг на друга улицы и бетонные многоэтажки, все какое-то пыльное, стандартное, неинтересное.

Когда родители ей сказали, что они переезжают, первой реакцией Анастасии было «ни за что!». Она не хотела покидать Ленинград, не хотела оставлять друзей, не хотела менять школу в разгар учебного года. И в особенности не хотела расставаться с Сережей.

Настя не сомневалась в том, что влюблена. И пусть ей всего четырнадцать, но она нашла человека, который является для нее центром мироздания. Этим человеком и был Сережа, ее одноклассник.

Но родителям, конечно, было не до ее мучений и терзаний. Наверняка им, как и Насте, тоже не хотелось покидать Ленинград, оставлять большую квартиру на Невском проспекте, друзей, знакомых и родственников, но поделать ничего было нельзя.

Отец Насти, Всеволод Петрович, получил ответственное назначение – на должность прокурора в Болотовск, бывший Нерьяновск. В Ленинграде он был «одним из» – заместитель

прокурора города, а в Нерьяновске ему надлежало возглавить городскую прокуратуру, а это означало повышение по службе для Всеволода Петровича Лагодина, чему он не мог не быть рад.

Всеволода Петровича, как выяснилось позднее, заметил не кто иной, как новый генеральный секретарь товарищ Андропов. Генсеку импонировало то, что Всеволод Петрович не боялся высказывать собственное мнение и был готов ради торжества справедливости рисковать карьерой. Во времена предшественника Андропова независимость особо не поощрялась, и Всеволод Петрович был одним из немногих, кто плыл против течения.

Генсек наверняка знал, что Лагодин пытался привлечь к ответственности детишек нескольких весьма и весьма влиятельных в Ленинграде персон, и это несмотря на то, что он получил прямое указание сверху спустить дело на тормозах. Всеволод Петрович был в курсе, что рискует всем, и не только своей должностью, однако решил, что не имеет права замалчивать правду и позволить группе великовозрастных оболтусов, чьи родители были не последними лицами в Северной столице и хорошо знали еще гораздо более влиятельных персон в Москве, уйти от ответственности. А подростки, как установил Лагодин, были виновны в смерти трех человек и должны были понести заслуженное суровое наказание в соответствии с Уголовным кодексом.

Да, Всеволод Петрович рисковал очень многим и, если

честно, еще бы несколько лет назад ни за что не позволил бы себе пойти против всесильных людей в Ленинграде и Москве, однако времена изменились. Бессменный генсек Леонид Ильич Брежнев скончался, на смену ему пришел бывший председатель КГБ Андропов, который поставил перед собой цель обновления страны и кадров. Новый генеральный терпеть не мог разнузданности, расхлябанности и злоупотребления служебным положением, по стране прокатилась череда громких процессов, когда на скамье подсудимых оказывались коррумпированные партийные чиновники и проворовавшиеся директора заводов.

Чувствуя у себя за спиной незримую поддержку нового кремлевского руководителя, Всеволод Петрович объявил войну влиятельным лицам и довел дело до конца. Процесс был шумным, о нем сообщали в газетах и даже по телевидению (что раньше представить себе было нельзя), и именно это лишало все еще могущественных врагов возможности оказать влияние на ход разбирательства.

В итоге подростки, замешанные в убийствах, получили сполна. А поздним вечером того дня, когда были оглашены приговоры, Всеволоду Петровичу позвонили из Москвы – с ним желал говорить новый генсек.

Всеволод Петрович, узнав, что на проводе Андропов, вспотел, однако не подал виду, что испугался. Генсек поздравил его с выигранным делом и как бы между прочим добавил:

– Всеволод Петрович, нашей стране требуются такие честные и принципиальные прокуроры, которые готовы идти до конца, прокуроры, не пасующие перед трудностями, наконец, прокуроры, не опасющиеся идти наперекор власти имущим. У партийного руководства имеется к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться...

Так Всеволод Петрович Лагодин получил предложение (вернее, приказание) покинуть Ленинград, в котором он родился, вырос и провел почти всю жизнь, и направиться в провинциальный Болотовск. Город этот, некогда звавшийся Нерьяновском, был интересен тем, что его некоторое время назад переименовали в честь Ивана Арсеньевича Болотова, могущественного министра и заместителя Председателя Верховного Совета СССР, а по совместительству – закадычного друга и собутыльника покойного Леонида Ильича. После смерти Брежнева самого Болотова в одночасье сместили со всех постов, а его сына, заместителя министра внешней торговли, вдруг арестовали (выяснилось, что тот причастен к ряду афер и махинаций).

Всеволоду Петровичу было известно: в Болотовске творились странные дела. Тамошние руководители, зная, что в столице у них имеется всемогущий патрон, окончательно распоясались, партийные чиновники погрязли в мздоимстве, руководители нескольких крупных и важных для обеспечения обороноспособности страны заводов проворовались. В городе давно требовалось навести порядок, причем

сделать это открыто, напоказ, так, чтобы все в стране поняли: настала новая эпоха.

Прокурор Болотовска потерял свое место и оказался под следствием после того, как выяснилось, что он вместе с сыном ныне покойного Ивана Арсеньевича активно прокручивал аферы и разворовывал социалистическую собственность, вместо того чтобы бороться с расхитителями. В городе был необходим новый человек с незапятнанной репутацией, человек, готовый идти до конца, человек, никак не связанный с местными боссами.

Поэтому новым прокурором Болотовска и назначили Всеволода Петровича Лагодина. Перед ним поставили одну-единственную цель: осушить болото коррупции, выловить из него всех аллигаторов и содрать с них шкуры. Его наделили небывалыми полномочиями, а кроме того, он знал, что ему обеспечена всемерная поддержка генсека Андропова.

И все же Всеволод Петрович отправлялся в Болотовск (кстати, городу в спешном порядке решили вернуть старое название «Нерьяновск») со смешанными чувствами. Он знал, что с поставленной задачей справится, а когда это произойдет, то надо будет готовиться к переводу в Москву: карьерные перспективы были самые что ни на есть радужные.

Супруга восприняла новое назначение мужа стоически, с олимпийским спокойствием, хотя ей тоже нелегко было покидать Ленинград и перебираться в провинцию. Галина Сер-

геевна работала в Ленинградском госуниверситете, специализировалась на философии эпохи Возрождения и собиралась поступить в докторантуру, чтобы приняться за диссертацию, посвященную итальянскому мыслителю Пико делла Мирандоле.

– Конечно, ты и Настенька можете остаться пока в Ленинграде, – заметил Всеволод Петрович, – у тебя работа в университете и диссертация, у Насти учеба...

– Нет, – покачала головой Галина Сергеевна, – как ты представляешь: раз в неделю ты будешь на полдня возвращаться в Ленинград, а потом снова отправляться в Бологовск? Или мы будем навещать тебя раз в месяц? Сева, это не жизнь! Там ведь имеется университет, и вряд ли на тамошнем философском факультете мне откажут в трудоустройстве. Тем более что ты – новый прокурор.

Настя, которой о решении, принятом родителями, сообщили всего за неделю до отъезда, была не столько разочарована, сколько разочарована и рассержена. Почему к ней все еще относятся как к ребенку, хотя ей два месяца назад исполнилось четырнадцать?

Переубедить родителей, в особенности маму, было невозможно. Настя заперлась в своей комнате, врубила на полную мощность магнитофон и, бросившись на кровать, зарыдала. Надо же, она должна уехать из Ленинграда, идти учиться в новую школу и, главное, расстаться с Сережей!

– В твоем возрасте нечего думать о любви, – заметила Га-

лина Сергеевна, увидев за завтраком припухшие веки и заплаканные глаза дочери. – И вообще, это все блажь. В Болотовске найдешь себе новых друзей.

– Не хочу я туда ехать, не хочу, ни за что не хочу! – упрямо воскликнула Настя. Но все было бесполезно. Вздернув брови, Галина Сергеевна брякнула чашкой о блюдо и ледяным тоном заявила:

– Анастасия, води себя подобающим образом! Я не могу поверить, что ты в свои четырнадцать такая инфантильная и избалованная. Я уже навела справки – в Болотовске имеется великолепная спецшкола с углубленным изучением английского, там ты и будешь учиться.

* * *

Последняя неделя в Ленинграде стала для Насти сущим мучением. Она представить себе не могла жизнь без Сережи, уверяя себя, что любит его более всего на свете. Девушка строила авантюрные планы – она может сбежать от родителей и вернуться в Ленинград, благо что тетка, конечно же, предоставит ей кров. И они с Сережей будут всегда вместе!

Однако за два дня до отъезда, на вечеринке, устроенной одним из одноклассников, Настя стала свидетельницей того, как ее Сережа обжимается и целуется с Викой, той самой Викторией, которую Настя считала своей лучшей подругой! Настя вообще-то не планировала приходить на вечеринку – требо-

валось помогать дома упаковывать вещи, но, узнав, что Сергей тоже будет там, в последний момент переменяла решение.

Сергей бросился вслед за Настей, пытался ее остановить, говорил, что с Викой «вышло случайно», а вот с ней у него все «по-настоящему». Остановившись и развернувшись, Настя залепила своему поклоннику пощечину и заявила:

– Я бы смогла простить, если бы ты набрался мужества и сказал правду.

Вернувшись домой, она будничным тоном сказала, что хочет как можно скорее отправиться в Болотовск. Хуже всего было, что разлюбить Сергея в одночасье не получалось, и девушка надеялась, что переезд в другой город поможет ей справиться с душевной болью.

Новый прокурор получил просторную пятикомнатную квартиру в Центральном районе, считавшемся самым престижным, в высотном сером доме с вахтером и фикусами в кадках на лестничных клетках – здесь обитали представители советской номенклатуры, деятели искусств и работники местного университета. Из окна Настиной комнаты открывался вид на большую площадь, где располагалось здание драматического театра, единственного на весь город.

Спецшкола, в которую определили Настю, оказалась на удивление хорошей, преподаватели – компетентными, а одноклассники – дружелюбными. Настя сразу отметила, с каким почтением и даже восхищением относятся к ней – еще

бы, она была дочкой нового прокурора и прибыла из самого Ленинграда!

Настя наконец смирилась с тем, что пришлось переехать, и вдруг поняла: она уже не тоскует по Сергею, тем более что в новом классе имелось достаточное количество потенциальных поклонников.

Вверив все заботы по обустройству новой квартиры жене, Всеволод Петрович сразу же с головой окунулся в работу. Встретили нового городского прокурора с подобострастием, однако за улыбками, как понял Лагодин, скрывались страх и ненависть. Боялись и ненавидели одного-единственного человека – его самого. Ведь он был ревизором, присланным из центра, и в его задачи входило положить конец разгулу коррупции, а это значило: половина тех людей, с которыми он познакомился, в итоге потеряет свои места и, не исключено, окажется в тюрьме.

* * *

На третий или четвертый день своего пребывания в Болотовске Всеволод Петрович познакомился с полковником КГБ Остоженским, первым заместителем главы сей могущественной организации в городе. Остоженского ему рекомендовали в качестве доверенного лица, и Всеволод Петрович сразу же проникся симпатией к моложавому полковнику. Ни для кого не было секретом, что именно полковник, а не его

непосредственный начальник, генерал-полковник Геннадий Викторович Гуськов, в действительности заправлял здесь делами Комитета.

Глеб Романович Остоженский обладал несомненным шармом, умел расположить к себе собеседника и отличался острым умом. Высокий, статный, с седеющими короткими волосами и пронзительными синими глазами, он был как бы олицетворением подлинного чекиста.

– Вот что я вам скажу, Всеволод Петрович, – заметил Остоженский во время разговора с Лагодиным (беседа происходила в кабинете полковника, где на стене размещалась застекленная фотография генсека Андропова, а на большом письменном столе на западный манер стояли рамки с фотографиями покойной супруги полковника и его единственного сына). – Я очень рад, что на самом верху наконец принято решение заняться проблемами нашего города. Как вы знаете, сам я здесь не так давно, однако успел войти в курс дела. Местная партийная бюрократия в течение многих десятилетий рассматривала бюджет города в качестве собственного кошелька, ведь Болотовск от Москвы далеко, люди здесь непуганые, а запросы у них немаленькие. Кстати, вы смотрели американский фильм «Крестный отец»?

– Предпочитаю советские фильмы, – ответил Всеволод Петрович.

Полковник усмехнулся, поднялся из кресла, подошел к окну и снисходительно улыбнулся.

– Ну, я не стал бы переводить все сразу в идеологическую плоскость, Всеволод Петрович. Наша лента «Москва слезам не верит» получила недавно «Оскара», самую высокую зарубежную награду, а президент США Рейган, сам бывший актер, признался, что это его любимый фильм. Значит, американцы могут у нас кое-чему поучиться. Да и мы тоже можем перенять какой-то их опыт. Так вот, в фильме «Крестный отец» речь идет о мафии. Вам как прокурору знакомо данное понятие, не правда ли? Мафия не только организованная преступная группировка, бандюганов и у нас в Союзе полно, мафия – это стиль жизни, сплав из гангстеров у власти, желающих получить сверхприбыли, используя служебное положение. И наивно думать, что мафия имеется только в Америке или, скажем, в Италии. Мафия уже давно появилась и у нас, в Советском Союзе...

Помолчав, полковник продолжил:

– И членами мафии являются не только так называемые паханы, воры в законе или рецидивисты. Мафия проникла в государственный и партийный аппарат. Настоящие члены мафии, подлинные «крестные отцы» – это вовсе не колоритные головорезы и опереточные душегубы наподобие Горбатого из фильма «Место встречи изменить нельзя». Подлинные главари мафии – солидные чиновники с партийным билетом, директора крупных заводов, высокопоставленные чины в прокуратуре и МВД, в конце концов. Я хочу, чтобы вы знали, с кем вам предстоит иметь дело, Всеволод Петрович...

– Крайне признателен вам за откровенность, Глеб Романович, – наклонил голову Лагодин. – Как я вижу, у нас с вами одна цель: наказать преступников.

– Вы знаете, какая присказка бытует на Западе? – спросил Остоженский. – «Мафия бессмертна». Ибо мафия, как я уже сказал, это стиль жизни, а для многих даже смысл всего существования.

– Гм, чрезвычайно интересно... Но если правильно работать, то можно ведь зачистить всю мафию, – откликнулся Лагодин.

– Ну конечно, вы правы, Всеволод Петрович, – улыбнулся снова Остоженский, – и я не сомневаюсь, вы наведете порядок в Болотовске.

– Однако мне потребуется ваша помощь, Глеб Романович, – подхватил нить разговора Лагодин.

Мужчины еще долго беседовали о конкретных персоналиях и незамедлительных мерах. А когда Лагодин покинул полковника Остоженского, тот поднялся со своего места и некоторое время мерил кабинет шагами, о чем-то размышляя. Затем подошел к столику, где располагалось не меньше полудюжины телефонных аппаратов, снял трубку одного из них, набрал номер и, дождавшись ответа, произнес:

– Сегодня в двадцать один ноль-ноль.

В девять вечера того дня каждый из семейства Лагодина был занят собственными делами: прокурор все еще корпел над бумагами у себя в кабинете, его супруга Галина Сергеевна работала над общей концепцией своей докторской диссертации в новой служебной квартире, а дочка Настя, расчесывая длинные волосы перед зеркалом, думала о том, что спортсмен Генка, похоже, втюрился в нее, так же как и отличник Игорь.

К девяти вечера на даче директора нефтеперерабатывающего завода собрались двенадцать человек. Мужчины были взволнованы, перебрасывались странными фразами и то и дело посматривали на часы. Ровно в двадцать один ноль-ноль перед воротами дачи остановилась черная «Волга», и хозяин, задернув занавеску, сообщил гостям:

– Он приехал!

Тринадцатым оказался полковник Остоженский, который сейчас сменил форму на скромный цивильный костюм. Последний визитер прошел в большую комнату, затем, ни с кем не здороваясь, обвел взглядом присутствующих и произнес:

– Что ж, граждане тунеядцы, хулиганы и пьяницы, вы оказались до такой степени жадными, наглыми и беззастенчивыми, что на вас обратила внимание центральная власть. И поэтому, как в бессмертной комедии Николая Васильевича

Тоголя, к нам приехал ревизор!

Ни один из собравшихся никому другому не позволил бы назвать себя «тунеядцем, хулиганом и пьяницей», ведь среди гостей был секретарь горкома, секретари четырех райкомов, два директора наиболее крупных заводов города, заместитель прокурора, ректор университета и главный врач огромного больничного комплекса – люди в Болотовске уважаемые, известные и влиятельные. Но они знали: главным является именно он, Глеб Романович Остоженский, полковник КГБ, называющий себя «крестным отцом».

– Я имел возможность прощупать этого Лагодина, – продолжил полковник. – Крепкий орешек, скажу я вам!

– Купить можно любого, – заявил секретарь горкома. – Сколько, по-вашему, придется ему отвалить?

Глеб Романович усмехнулся:

– Лагодин из разряда фанатиков. Тем более он знает, что за ним стоит новый генсек. А значит, он не может позволить себе опозориться.

– И ревизор будет копать, причем очень глубоко! – истерически заговорил один из директоров. – Что же нам делать? Может, у него есть слабые места?

– Вы же обещали нам свое покровительство, если мы будем делиться с вами нашей прибылью! – заявил нервно главврач. – Если Лагодин узнает об истории с наркотиками в подконтрольном мне больничном комплексе...

Остоженский поднял руку, и галдевшие гости замолчали.

– Мое обещание остается в силе, – сказал он тихо. – Никто из вас не имеет права терять голову. Не исключено, что некоторые из вас в ближайшее время будут арестованы...

– Нет! Не может быть! – раздалось со всех сторон, но Глеб Романович продолжил:

– Те, кого это коснется, должны знать, что я не бросил их на произвол судьбы. Они должны молчать и все отрицать.

– Но если Лагодин соберет доказательства, нас отправят на Колыму и без признания! – пискнул кто-то, на что полковник возразил:

– У нового прокурора просто не хватит времени – я найду способ приструнить его. Однако повторяю еще раз: кого бы из вас ни взяли в оборот, вы должны молчать!

Собравшиеся только кивнули, зная, что шутки с Глебом Романовичем плохи. В том, что полковник умеет быть жестоким, они убедились на примере одного из его подчиненных – тот, узнав о левых делах шефа, хотел сдать его с полличным, но произошло несчастье: чересчур ретивого подчиненного сбил самосвал.

– Значит, мы поняли друг друга! – цинично воскликнул Остоженский. – Ну что ж, когда этот вопрос прояснен, можно поговорить и о бизнесе. Ведь мы, в конце концов, мафия!

* * *

Всеволод Петрович и не представлял себе, что ему пред-

стоит столкнуться с таким огромным количеством злоупотреблений, махинаций и финансовых преступлений. Болотовск, как стало ему вскоре ясно, буквально погряз в коррупции, и хуже всего, что, по мнению Лагодина, происходящее держал под контролем кто-то очень умный.

О своем открытии он доложил полковнику Остоженскому и признался:

– Сначала я не воспринял ваши слова о мафии всерьез, но теперь вижу, что вы были правы, Глеб Романович. Все преступления – звенья одной и той же цепочки, нарушение закона в городе возведено в принцип. Вернее, кто-то на этом очень неплохо зарабатывает.

– Коррумпированные чиновники, – заявил полковник. – Вам необходимо хорошенько их потрясти.

Лагодин вздохнул:

– Вы как-то обмолвились о так называемом крестном отце. Так вот, я тоже думаю, что за всеми мошенниками, аферистами, ворами и убийцами стоит некто весьма влиятельный и жадный. Именно он контролирует ситуацию, не позволяя ей выйти из-под контроля, и в то же время толкает людей на новые преступления, получая с них определенный процент.

Полковник КГБ усмехнулся и протянул:

– Ну, это вы слишком уж загнули! Прямо-таки не Болотовск тут у нас, а Чикаго конца двадцатых...

– Да, как верно подметили, настоящая мафия, – париро-

вал Всеволод Петрович. — И я намерен с ней бороться радикальными методами. В течение следующей недели будут арестованы...

* * *

Настя знала, что отец прибыл в Болотовск, дабы навести порядок, и это задание было доверено ему чуть ли не самим генеральным секретарем. Девушка быстро поняла, что подострастие и восхищение, с которыми к ней относятся одноклассники и даже учителя, связаны не только с тем, что новая ученица приехала из Ленинграда. В большей степени они связаны с ее отцом и его миссией в городе.

Настю постоянно приглашали на вечеринки, дни рождения, семейные праздники. И едва ли не каждый раз кто-либо из взрослых, словно невзначай, заводил с ней разговор об отце, о том, чем он занимается и над чем работает. На одной из вечеринок Настя выиграла в лотерею... золотой кулон с настоящим бриллиантом. Она принесла украшение домой и показала его маме, а Галина Сергеевна, нахмурившись, тотчас оповестила мужа. Всеволод Петрович велел дочери тотчас вернуть кулон обратно. Настя не понимала, почему она должна так сделать: это же выигрыш!

А несколько дней спустя девушка подслушала разговор родителей (время было позднее, и те думали, что дочка давно спит).

– Сколько? – услышала она удивленный голос мамы. – Сева, я не ослышалась?

Анастасия, замерев в коридоре, ловила каждое слово.

– Нет, Галя, ты не ослышалась, миллион. Миллион рублей, – раздался усталый голос отца. – Вот какое беззастенчивое предложение я получил. Они хотят купить меня, сделать членом своей банды, их треклятой мафии! Причем такое происходит у нас, в Союзе, далеко не в самом богатом городе. Представь, что творится в союзных республиках, где-нибудь в Закавказье или Средней Азии – там ворочают не просто миллионами, а миллиардами!

– Сева, мне страшно, – донесся до Насти голос мамы. – Господи, и зачем я только поддержала твою идею о переезде из Ленинграда сюда! Ведь эти люди... Они не могут быть опасны, да?

– Эти люди – преступники, которые боятся меня, – ответил Лагодин, – поэтому так и мечутся, поэтому и пытаются купить мое молчание за миллион рублей. Что ж, значит, я на верном пути, иначе бы они не испугались. Не забывай, я облечен государственной властью, а против государства эти люди никогда не рискнут идти!

– Сева, они уже действуют в ущерб государству, – возразила Галина Сергеевна.

Настя потом долго лежала в кровати и размышляла. Вот, оказывается, почему ей на той вечеринке вручили кулон с бриллиантом! Ее отца пытались подкупить – через нее, его

дочку! А она, дура, еще устроила скандал, не желая отдавать чудное украшение. Получается, что ее отец – настоящий герой, который борется с преступниками. Прямо как в кино! И, конечно, все хорошо закончится!

* * *

Через арестов среди влиятельных лиц Болотовска всколыхнула общественное мнение. В городе даже побывала команда Центрального телевидения, и репортаж о задержанных чинушах прошел в программе «Время». Лагодину позвонили из аппарата ЦК и передали благодарность от лица генерального секретаря – сам Андропов позвонить не мог, поскольку находился в больнице.

Всеволод Петрович никак не мог понять, отчего арестованные, несмотря на наличие большого количества улик, не желают сознаваться, а нагло молчат. Как будто они чего-то выжидают, как будто надеются на скорое избавление. Более всего Всеволода Петровича занимал вопрос касательно так называемого «крестного отца», руководителя мафии в Болотовске. Кто же он, тот неуловимый и могущественный человек?

– Ну, во-первых, я не уверен, что такой «злой гений» вообще существует, – убеждал прокурора при очередной беседе полковник Остоженский. – Скорее всего, имеется несколько не связанных между собой центров. А если

«крестный отец» все-таки существует, то его надо искать среди братвы. Вот, смотрите, Всеволод Петрович, я подготовил вам досье на четырех местных воров в законе. Наверняка кто-то из них и заправляет всем...

– Скажу откровенно, Глеб Романович, я очень рад, что имею такого замечательного и компетентного консультанта, как вы, – заметил Лагодин. – И все же у меня создается впечатление, что за кулисами находится не обыкновенный урка, не вор в законе, а человек гораздо более тонкого склада ума, я бы сказал – интеллектual. Преступления, на след которых я вышел, задуманы и осуществлены чрезвычайно виртуозно, и даже, пожалуй, гениально.

Полковник Остоженский внимательно посмотрел на прокурора, вздохнул и ответил:

– Не думаю, что все так, как вам представляется, Всеволод Петрович. Правда, как обычно, гораздо более груба, примитивна и неинтересна. Так что изучите-ка повнимательнее эти досье. Кстати, у меня имеется предложение – почему бы вам с семьей не приехать ко мне на дачу, скажем, в грядущие выходные? Там соберутся только друзья и хорошие знакомые. Будет великолепный шашлык, вам наверняка понравится, а заодно я смогу наконец познакомиться с вашей супругой и дочкой...

Лагодин с радостью принял приглашение Глеба Романовича и в субботу отправился за город, туда, где располагалась дача полковника. Участок оказался небольшим. Загородный домик более чем скромным, но чрезвычайно ухоженным — свободное время, как выяснилось, Остоженский предпочитал проводить на даче.

Настя не хотела ехать на дачу к незнакомому человеку, однако отец настоял на том, чтобы она отправилась вместе с ним и с Галиной Сергеевной. Теперь девушка слонялась по участку, разглядывала аккуратные, без единого сорняка, грядки, расположенные в строгом геометрическом порядке, прислушивалась к разговорам взрослых, вдыхала запах готовящегося шашлыка и думала о том, когда же наконец отправится обратно в город.

Внезапно ее внимание привлек гость, которого она еще не видела. К большому сожалению и досаде девушки, все приглашенные были важными лицами, ее сверстников на даче полковника Остоженского не было. А новый гость, как отметила Настя, старше всего на несколько лет, ему, наверное, восемнадцать или двадцать: высокий, мускулистый, с копной темных волос и голубыми глазами. Молодой человек, одетый в потрепанные джинсы и ковбойку (что, надо сказать, чрезвычайно ему шло, как отметила Настя), помогал хозяину да-

чи.

– Разрешите представить, мой сын Максим, – произнес Глеб Романович, обращаясь к Лагодину. – Он учится в столице, однако сейчас у него каникулы, вот он и приехал навещать отца.

Максим, поняла Настя, был гордостью полковника. Впрочем, на месте Остоженского она бы тоже гордилась подобным отпрыском. Девушка, не отрывая глаз, наблюдала за молодым человеком, который сноровисто хлопотал около жаровни. Вдруг Максим поднял глаза – и их взгляды встретились.

Взгляд у сына полковника был пронзительный, изучающий, долгий. Настя смутилась и отвела взор. И что, интересно, он о ней подумает? Девчонка, младше его лет на пять-шесть, пытается привлечь его внимание?

Размышления Насти прервало заявление Остоженского о том, что шашлык готов и можно занимать места за большим столом, стоявшим под тентом. Так вышло, что Насте досталось место напротив Максима. Бравада прошла, девушка не знала, как себя вести, и все время пялилась в тарелку или по сторонам, опасаясь одного: посмотреть на Максима и встретиться с ним глазами. Впрочем, удержаться от соблазна ей не удалось, и несколько раз исподтишка она бросала взгляды на сына полковника. Удивительно, но молодой человек каждый раз поворачивал голову, словно угадывая момент, когда она посмотрит на него, и они снова встречались взглядами.

Игра в гляделки привела к тому, что Настя опрокинула на себя бутылку с соком. Девушка залилась густой краской, чувствуя, что привлекла внимание всех присутствующих. Гостеприимный хозяин (в полосатом переднике, как заправский повар) не растерялся, разрядил обстановку милой шуткой, а затем, протянув Насте полотенце, сказал:

– У нас в домике имеется несколько чистых рубашек и джемперов. Максим, пожалуйста, проводи Настю!

Этого момента Настя боялась более всего – и желала всем сердцем. Неуклюже поднявшись из-за стола, девушка последовала за Максимом в дом. И что только молодой человек подумает о ней!

В доме царил идеальный порядок – полковник Остоженский был чрезвычайно аккуратным человеком, а отсутствие жены (его супруга умерла несколько лет назад от рака) превратило его в перфекциониста.

Настя поднялась по лестнице на второй этаж. Зайдя в комнату, Максим распахнул створки шкафа:

– Можешь выбрать то, что тебе подходит. Прошу! – Затем удалился из комнаты, оставив девушку одну.

Настя принялась изучать вещи – ношенные, однако дорогие, по большей части заграничные, причем известных зарубежных марок. Внезапно она увидела на одной из полок аккуратно сложенное нижнее белье. Интересно, чье? Полковника Остоженского или, не исключено, его сына. Настя вытащила стопку – и в тот момент в комнату вернулся Максим,

держа небольшой пузырек.

– Вот средство от пятен... – произнес он и смолк, увидев Настю с нижним бельем в руках.

Девушка ойкнула, густо покраснела и заговорила срывающимся голосом:

– Я не хотела... это вышло совершенно случайно...

– Не думаю, что они тебе подойдут, – иронично заметил Максим, улыбаясь и указывая на трусы. – Извини, не хотел мешать тебе!

Молодой человек снова исчез, и через пару секунд Настя услышала стук входной двери. Ну и дура же она! Что Максим подумает, какое у него сложится о ней впечатление! Хороша дочка прокурора – копошится в мужском нижнем белье!

Настя быстро переоделась, натянув первый попавшийся джемпер, и вернулась к столу. Она отметила, что Максим внимательно за ней наблюдает.

Через некоторое время, когда многие из гостей «дошли до кондиции», приняв на грудь большое количество отличного домашнего вина, приготовленного полковником, или распробовав его не менее вкусные наливки и настойки, Настя поднялась из-за стола. Взрослые давно говорили о делах, которые она не понимала и которые были ей совершенно неинтересны. В голове девушки роились странные мысли. К ней «клеились» несколько одноклассников, а также еще несколько человек из параллельных классов, однако никто из подростков-одногодков ей не нравился. А Максим – совсем дру-

гое дело! Он намного старше, ему, как она уловила из разговора Остоженского с ее отцом, почти двадцать. Максим учится в Московском институте международных отношений и наверняка после окончания станет дипломатом. А помимо всего прочего, он такой неотразимый...

Настя сделала несколько кругов по дачному участку, однако Максима нигде не было. Может, он дома? Настя зашла в прихожую, потопталась на пороге, прошлась по первому этажу, но никого не обнаружила. Тогда девушка отправилась на второй этаж и заметила Максима в одной из комнат. Он сидел на диване и рассматривал что-то в альбоме.

«Не хватает еще, чтобы парень подумал, будто я преследую его!» – испугалась вдруг Настя и дала задний ход. Но ступенька лестницы, как назло, скрипнула, Максим поднял голову и увидел незваную гостью.

– Я... я пришла за... средством от пятен, которое ты мне принес... – пролепетала девушка.

Максим встал с дивана, прошел в соседнюю комнату, где стоял шкаф с одеждой, и вручил Насте темную бутылочку.

– Тебе наверняка скучно среди взрослых? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Можешь присоединиться ко мне. Если, конечно, хочешь...

Более всего Настя желала оказаться сейчас на диване, сесть рядом с Максимом. Альбом, который он рассматривал, оказался семейным.

– Неужели это ты? – воскликнула Настя, удивленно глядя

на фотографию толстого малыша, которого держал на руке счастливый отец – молодой лейтенант Остоженский.

– Кто же еще! – ответил Максим со смешком. – Но если тебе неинтересно...

– Мне очень интересно! – заявила Настя и взяла с колен Максима альбом.

На секунду (всего на секунду!) их руки соприкоснулись, и Настя вздрогнула. Ей было так приятно сидеть на старом диване рядышком с Максимом, зная, что стоит вытянуть руку – и она дотронется до сына полковника. Настя ощущала тонкий аромат туалетной воды или одеколона, которым пользуется Остоженский-младший. Девушке хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

Максим, казалось, ничего не замечавший, переворачивал страницу за страницей семейного альбома и что-то объяснял. Настя не вслушивалась в его слова, а наслаждалась тем, что находится так близко от молодого человека.

– Она умерла... – донеслось до нее.

Последние слова вырвали Настю из мечтаний. Она взглянула на фотографию красивой темноволосой женщины, чем-то неуловимо похожей на Максима. Настя сообразила, что речь идет о его маме.

– Как это произошло? – спросила она и сама смутилась своему вопросу – уж не слишком ли она назойлива и бесцеремонна?

– Тяжелая болезнь, – ответил, помрачнев, Максим. – Рак

крови. Врачи сказали, что если бы она обратилась раньше... Тогда был бы шанс на выздоровление, но так...

Он смолк, и Настя не знала, что ей сделать или сказать. Со смертью ей еще не приходилось сталкиваться.

– Ладно, история старая, – произнес Максим странным тоном. И вдруг оживился: – Расскажи-ка лучше о себе. Твоя семья жила раньше в Ленинграде? Классный город, я был там прошлым летом, в гостях у одного однокурсника...

«У однокурсника или однокурсницы?» – мелькнуло в голове у Насти. Однако замечание Максима разрядило обстановку, и девушка ощутила, что напряжение спало. Она стала рассказывать о своей жизни в Ленинграде и отметила, что Максиму ее рассказ интересен. Он задавал вопросы, шутил, переспрашивал. Настя чувствовала себя совершенно свободно и хорошо, ей казалось, что она знает Максима уже тысячу лет.

– И как тебе Болотовск? – спросил Максим. – Мой отец здесь родился и вырос, однако потом по долгу службы находился в разных городах Союза. Я появился на свет в Свердловске. А потом он получил назначение в Болотовск, несколько лет назад, мама была еще жива...

Снова возникла неловкая пауза. Чтобы замять ее, Настя выпалила:

– Твоя мама была очень красивой женщиной. Будь я мужчиной, то обязательно женилась бы на ней!

Максим улыбнулся, и Настя отметила, что улыбка у него

замечательная. И эти ямочки на его щеках, эти белые зубы, тонкие губы...

– Ты бы ей непременно понравилась, – сказал он, – жаль, что вы не можете познакомиться. Однако расскажи лучше о своих родителях.

Говорить о родителях Насте не очень хотелось, но Максим задавал массу вопросов, и Настя была готова вести речь с ним о чем угодно, лишь бы продлить интимные мгновения на диване.

– Настя! – услышала вдруг девушка голос матери и в сердцах чертыхнулась. За окнами сгущалась июльская ночь. – Где ты? Мы собираемся домой!

Насте так хотелось еще и еще беседовать с Максимом, находиться с ним рядом, рассматривать поблекшие фотографии в семейном альбоме. Но делать было нечего, пришлось подчиниться воле родителей.

Полковник Остоженский долго прощался с Всеволодом Петровичем и Галиной Сергеевной у калитки, а Настя все смотрела на Максима, который стоял подле отца. Внезапно молодой человек исчез без слов, и Настя закусила губу – все, сейчас они сядут в машину, и она даже не сможет сказать Максиму заранее заготовленное «До скорого!».

Парень вернулся в тот момент, когда Настя уже решила, что надоела ему, поэтому он и исчез по-английски, не прощаясь. В руках у Максима был сверток. Он вручил его Насте и сказал:

– Твоя футболка, а также средство от пятен. Кстати, я уже обработал пятно, которое ты посадила. Как только приедешь домой, сразу же замочи.

И на сей раз, подавая девушке сверток, Максим намеренно (в этом Настя не сомневалась!) коснулся ее руки.

– До скорого! – крикнул он.

Настя, уже сидя на заднем сиденье служебной машины отца, тотчас повернулась, не сводя с Максима глаз. Тот помахал ей на прощанье рукой, а потом вдруг послал воздушный поцелуй. Настя обомлела, осторожно взглянула на родителей, но те, к ее большому облегчению, ничего не заметили.

Дома Настя замочила майку в тазике, а затем еще долго пробыла в ванной, поглаживая флакон с пятновыводителем и представляя, что совсем недавно его держал в руках Максим. Приняв душ и почистив зубы, девушка отправилась спать, уверенная, что пережила самый счастливый день в своей жизни, и не сомневаясь в том, что Максим – тот человек, в которого она влюбилась.

* * *

Посиделки на даче полковника Остоженского закончились поздно ночью. После того как прокурор Лагодин вместе с семьей отбыл восвояси, оставшиеся гости заметно переменили манеру общения и темы разговоров. Вернувшись к столу в саду, Глеб Романович заметил, обращаясь к собрав-

шимся:

– Ну что же, граждане тунеядцы, хулиганы и пьяницы, вы имели возможность составить свое мнение о человеке, от которого исходит смертельная опасность для нашего города и для всех нас. Причем Лагодин ведь только на первый взгляд такой безобидный...

– Еще бы, из-за него уже шесть человек арестованы! – воскликнул кто-то. – Глеб Романович, вы же обещали защищать нас! Мы за это вам, собственно, и отстегиваем...

Остоженский прервал выступавшего и, размешав угли в жаровне (в черное небо устремились мириады красных и оранжевых искр), сказал:

– Разве я когда-нибудь нарушил данное мною обещание? Да, я понимаю ваш мандраж, понимаю ваши страхи...

Глеб Романович позволил выговориться всем, кто желал, а когда смолк последний из ораторов, спокойным тоном произнес:

– Даю вам слово, что никто из вас не пострадает. Я работаю над решением проблемы под названием «Лагодин». Свалить его будет сложно, и в первую очередь из-за того, что прокурора поддерживает сам генсек. Однако из верных источников мне известно, что дела со здоровьем у Юрия Владимировича не ахти, не исключено, что в ближайшее время советский народ понесет новую тяжелую утрату – еще один руководитель партии и государства отдаст концы.

Последний гость удалился в начале четвертого. Когда

Остоженский зашел в дом, он увидел сына – тот, в переднике, как и отец, домывал последние тарелки.

– Спасибо, Максимка, – сказал полковник, чрезвычайно гордившийся отпрыском. – Ты мне очень помог.

– Не стоит благодарности, папа, – ответил, снимая фартук, Максим, – я рад помочь тебе. Тем более что ты не так давно помог мне в той истории с наркотиками... Все же круто иметь отца – полковника КГБ. И руководителя мафии к тому же!

Глеб Романович поморщился:

– Сколько раз я просил тебя не употреблять глупые новомодные словечки, Максимка! К чему всякие там «круто», если можно сказать по-человечески: «очень хорошо»... Ты видел этих хлюпиков?

– Папа, ты имеешь в виду всех этих трусов и стяжателей? – спросил сын. – Они так стелились перед Лагодиным, так старались ему угодить, что он, если не последний идиот, наверняка сразу понял – вот их-то и надо брать в оборот. Считаешь, было хорошей идеей приглашать прокурора сюда, так сказать, в логово льва?

– Ну, если мы – львы, то кто же тогда Лагодин? Жертвенный агнец? – спросил, вытирая шампуры полотенцем, Глеб Романович. – Прокурор, я уверен, ничего не заподозрил, а если и заподозрил, то любого, но только не меня. Я ведь его лучший советчик и друг. Кроме того, ты сам знаешь, для чего он оказался у меня на даче. Ну и как девчонка?

Максим усмехнулся:

– Типичная глупенькая школьница, втюрилась в меня в тот же момент, когда увидела. Копошилась в твоих трусах, папа, так что тебе лучше их все перестирать. Немного шарма, ни к чему не обязывающая беседа, слезливые воспоминания, якобы случайные прикосновения – и девчонка поплыла. Будь мы одни, она бы отдалась мне прямо там, на диване.

– Ну, с этим ты повремени, – остановил сына полковник, – не забывай, ей всего четырнадцать, а папаша у нее прокурор. Пусть пока сходит по тебе с ума. Что тебе удалось от нее узнать?

– Немного, – признался Максим. – Но все равно лучше, чем ничего.

– Что ж, начало положено, – заявил с гордостью полковник Остоженский. – Максимка, я вижу, из тебя выйдет толк. Ты ведь знаешь, сынок, что кроме тебя у меня больше никого нет. И через несколько лет ты сможешь стать полноправным покровителем всех этих трясущихся типов, которые сегодня поглощали мой шашлык. В стране грядут большие перемены... Болотовск – только начало, поверь мне! У меня имеются связи и положение, у тебя – энергия и ум. Вместе, сынок, мы добьемся очень многого, стоит только захотеть...

* * *

Лето 1983 года навсегда врезалось Насте в память. Для нее существовал лишь один человек – Максим. Через

несколько дней после знакомства на даче он позвонил – Настя к тому времени извелась, считая, что красавец-студент давно забыл смешную школьницу-малолетку. И вот выяснилось: Максим ее вовсе не забыл.

Они встретились в кафе-мороженом в центре Болотовска. Настя ревниво следила за тем, какие восторженные взоры бросают на Максима – на ее Максима! – присутствовавшие в кафе девицы. Он ведь спокойно мог бы выбрать любую из них или даже всех вместе, и они отправились бы за ним гуськом, как некогда дети из немецкого города Гамельна отправились за коварным Крысоловом, подчиняясь завораживающей музыке его волшебной флейты...

А потом Настя и Максим долго бродили по городскому парку, мимо потрескавшихся гипсовых фигур – девушки с веслом, атлета-дискометателя, колхозника и доярки, мимо неработающих фонтанов, мимо бочек с квасом и будок с пирожками.

Настя была на седьмом небе от счастья. Ей хотелось кричать от радости, поделиться со всем миром грандиозной новостью – она влюбилась. Какими же наивными ей показались чувства, что испытывала она раньше к Сергею. С Максимом все было совершенно по-другому! Он – настоящий, он – взрослый, он – такой мужественный... Но вот любит ли он ее тоже?

Они поцеловались первый раз на скамейке, под большой старой липой, вблизи летнего кинотеатра. Сначала это бы-

ли робкие прикосновения, которые превратились в бурные объятия. Максим первым пришел в себя, взял Настю за руку и сказал:

– Ты должна знать, что я... что я люблю тебя. Именно поэтому мы не должны спешить. Я не хочу, чтобы все закончилось банально и глупо. Мы ведь увидимся еще?

И он еще спрашивал! Настя едва сдержала победный крик.

Молодые люди договорились, что будут соблюдать конспирацию: ни полковник Остоженский, ни прокурор Лагодин не должны ни о чем догадаться. Игра в шпионов сразу же захватила Настю, и она, не задумываясь, соглашалась со всем, что предлагал Максим.

Во второй половине августа, когда до начала нового, для Насти последнего, учебного года оставались считанные дни (как, впрочем, и до отъезда Максима в столицу), Всеволод Петрович и Галина Сергеевна сообщили дочери, что собираются на несколько дней съездить в Ленинград. Настя, раньше с восторгом принявшая бы подобное предложение, заявила, что предпочтет остаться в Болотовске и готовиться к школе.

Лагодины-старшие, посоветовавшись, приняли решение отправиться в Ленинград на неделю без Насти. Девушка не подала виду, что очень рада их решению, а наоборот, сказала:

– Буду без вас очень скучать, так что возвращайтесь побыстрее!

Проводив родителей на поезд, Настя вернулась домой, в пустую пятикомнатную квартиру, и набрала дрожащими пальцами знакомый номер.

– Макс, они только что уехали! Когда мы сможем встретиться?

О том, что такое секс, Настя узнала из статей медицинской энциклопедии, а также из статей молодежных журналов Англии и США, с которыми познакомила ее подруга еще в ту пору, когда Лагодины жили в Ленинграде. Смотрела Настя и по видео несколько заграничных фильмов, поразивших, вернее, даже испугавших ее своей откровенностью, – в советских кинолентах ТАКОГО увидеть было нельзя!

В памяти у нее осталось одно-единственное: «Все мужчины очень хотят этого». Ну, то есть того самого, секса. Что ж, если она и потеряет невинность, то с тем человеком, которого любит больше всего в жизни и который безумно любит ее, – с Максимом Остоженским!

Настя припомнила все то, что некогда читала в зарубежных журналах, где психологи и доктора давали советы касательно «первого раза». У нее-то это будет первый раз, а вот как насчет Максима? Девушка не сомневалась, что у него уже были подружки, еще бы, ведь ему в конце сентября исполнится двадцать. А если он поймет, что имеет дело с неопытной школьницей, ведь тогда все может пойти насмарку!

От подобных мыслей у Насти голова шла кругом. В ро-

дительской аптечке она отыскала странные штуки, именованные презервативами. Они должны предотвратить беременность.

К самому важному вечеру своей жизни Настя готовилась тщательно. Родители оставили ей деньги, холодильник забит деликатесами (несмотря на то что в магазинах в то время было хоть шаром покати), оставалось только одно: заманить на квартиру Максима. Но и тут не пришлось идти на особые ухищрения – молодой человек пообещал Насте устранить неполадки с душем (этот предлог девушка выдумала, чтобы пригласить Максима в гости в пустую родительскую квартиру).

Настя приготовила легкий ужин – нарезала сервелат и балык, открыла баночку черной икры, вытащила из кладовки бутылку шампанского, купила на городском рынке фруктов. Затем она принялась за сервировку стола. От идеи красиво сложенных салфеток пришлось отказаться – никак они у нее не желали складываться! – зато Настя откопала на антресолях витые разноцветные свечи. В самый раз!

Обычно мужчина должен приглашать даму на романтический ужин, но у нее получится все наоборот – она хозяйка вечера, а Максим – ее единственный и долгожданный гость. Вот это называется эмансипация и гендерная революция!

Больше всего времени Настя уделила собственной внешности. Она долго рассматривала свое нагое отражение в зеркале в ванной. Груды небольшие, тут она пошла в маму, фигура стройная, ведь Настя занимается в волейбольной секции и ходит в бассейн. Лицо немного пресноватое, скулы слишком широкие, а хуже всего волосы – прямые, светлые, придется с ними помучиться. Единственное, что импонировало Анастасии в собственной внешности, так это глаза – серо-голубые, выразительные. От папочки достались.

Настя остановила свой выбор на бледно-желтом сарафане. Волосы сначала решила распустить по плечам, но получилось плохо, поэтому она собрала их в конский хвост и подвязала желтой же лентой. Да, так намного лучше. Затем, используя французский журнал мод в качестве инструкции, подвела губы, наложила тени и румяна. Результатом Настя осталась довольна – именно так и должна выглядеть роковая женщина. Ведь Максиму нужна именно такая, а не глупая, наивная школьница!

Заключительным штрихом стали заграничные духи из большого пузатого флакона – подарок отца маме на Новый год. Мама ими почти не пользовалась, мол, у нее от их терпкого запаха болит голова, а вот Насте аромат очень нравился. Сначала она капнула на запястья, растерла их и, не удо-

влетворившись, вылила на себя едва ли не треть флакона.

Максим обещал прийти в семь вечера. Настя то и дело поглядывала на часы. В тот момент, когда по квартире разнесся звонок, она вспомнила, что не включила музыку. Настя заметалась, ткнула в магнитофоне не в ту кнопку, кассета начала перематываться, затем чертов аппарат зажевал пленку... А в дверь снова позвонили! Настя, швырнув за кресло кассету с записями любимого ею Адриано Челентано, вставила срочно другую, с группой «АББА», нажала на «play» и, заслышав мелодию «Super Trouper», побежала сломя голову открывать – раздался уже третий звонок.

На пороге стоял Максим – в черных джинсах и легком свитере кремового цвета. В руках у него был небольшой чемоданчик, наверняка с инструментами.

– Добрый вечер, – вежливо заговорил он, – я хотел бы увидеть Настю...

Молодой человек запнулся, пригляделся и, присвистнув, воскликнул:

– Черт побери, так это ты и есть! Ну ты, мать, даешь! Я тебя сразу и не узнал, ты выглядишь, как роковая красавица.

Настя смутилась, не зная, понимать ли ей его слова как комплимент или как скрытый упрек или даже насмешку. Максим прошел в квартиру и сказал:

– Да, неплохая у вас хата. Вот, значит, как живут грозные прокуроры? Ну и где у вас ванная и вышедший из строя шланг?

– А его уже починили, сегодня днем слесарь приходил, – заявила Настя. – Я, такая растяпа, забыла тебе позвонить и сказать. О, ты ведь наверняка голоден, Максим? Я как раз на скорую руку кое-что приготовила!

Оказавшись в столовой, Максим иронично воскликнул, рассматривая стол, заставленный яствами:

– И это у тебя называется «на скорую руку»? Больше похоже на прием в Большом Кремлевском дворце. Однако, конечно, не откажусь от такого пиршества.

Порозовев от смущения (хотя при большом количестве косметики на лице румянец никак не выделялся), Настя проводила гостя в ванную, мыть руки, а затем вернулась в столовую и быстро зажгла свечи.

– Ты, я вижу, постаралась, – произнес, входя, молодой человек.

Девушка почувствовала, что у нее слегка кружится голова – Максим находился всего в нескольких шагах от нее.

– Я... мы... Нам пора за стол! – выпалила Настя. Она решительно не знала, что делать дальше, однако надеялась, что неловкая ситуация разрешится сама собой. Какая она и правда растяпа, ведь в ее мечтах все было так просто! А на самом деле она, оказавшись наедине с Максимом, растерялась. Не хватало еще, чтобы он все понял!

Они уселись за стол, Настя схватила бутылку с шампанским и принялась судорожно срывать с горлышка фольгу.

– Позволь, я сам сделаю, – произнес Максим.

Настя с готовностью передала ему бутылку. Значит, он понимает, чего она хочет! И он не ушел, не рассмеялся. Он остался!

Максим профессионально открыл бутылку, разлил шампанское по фужерам. Настя одним глотком осушила содержимое своего бокала и взглянула на любимого.

Разговор за столом не клеился, девушка чувствовала себя как на иголках, но Максим, казалось, не замечал ее неловкости. Он практически не притронулся к еде, проигнорировал алкоголь, зато буквально пожирал глазами Настю. Девушке было очень страшно, она почувствовала, что ее начинает бить нервная дрожь. Она так же быстро опрокинула в себя второй бокал. Максим снова подлил ей шампанского.

– Я так рад, что ты пригласила меня к себе, – сказал он. – Твои родители ведь в отъезде, не так ли?

– Да, мы совершенно одни. Мама и папа вернутся только в конце недели, – выпалила Настя. – Максим, я должна тебе что-то сказать... Я... я очень... С первого момента, как я увидела тебя...

Настя и не представляла, что признаться в любви так сложно. Но Максим помог ей – молодой человек, придвинув свой стул к стулу, на котором сидела Настя, промурлыкал:

– Настя, я тоже люблю тебя!

– Правда? – вырвалось у нее, и девушка почувствовала, как у нее защемило сердце.

– Ну конечно, малышка, – заверил ее парень. – Ты так

разительно отличаешься от своих сверстниц... Да и от моих тоже! Я был пленен тобою с первого взгляда. Еще тогда, на даче, когда мы познакомились. Ты так похожа на мою маму...

И он пододвинул к ней фужер, наполненный шампанским. Настя снова осушила его, а Максим, оторвав от кисти винограда одну ягоду, произнес:

– А теперь раскрой рот, малышка...

Девушка подчинилась, и Максим положил ей в рот виноградину. А затем поцеловал девушку. Они переместились от стола на диван. Настя пробормотала:

– Ты должен знать, что у меня это первый раз...

– Я буду очень нежен и осторожен, – заверил ее Максим и навалился на Настю.

То ли шампанское на голодный желудок произвело такое странное действие, то ли Настя была очень испугана, однако она плохо помнила, что происходило далее. Она лежала на диване словно в горячке, Максим прижимался к ней, его руки скользили по ее телу. Затем Настя почувствовала резкую боль, вскрикнула, но Максим прошептал:

– Потерпи немного, сейчас пройдет...

Все завершилось так же неожиданно, как и началось. Максим резко отстранился, Настя вздохнула полной грудью и открыла глаза. Ее возлюбленный, абсолютно обнаженный (у него была великолепная атлетическая фигура), натягивал трусы.

– Какая ты, однако, бледная... – сказал Максим. – Ты пло-

хо себя чувствуешь?

– Я... мне кажется, слишком много шампанского... – прошептала девушка.

– Тебе надо выпить воды. Подожди, я сейчас принесу.

Максим исчез и вернулся через минуту-другую с бокалом. А в руке у него была крошечная розовая таблетка.

– Устраняет все симптомы похмелья, отличное заграничное средство, – улыбнулся он. – Не бойся, я плохого не посоветую!

Настя послушно положила таблетку на язык и запила ее водой. Максим склонился над девушкой, поцеловал ее.

– Все прошло как нельзя лучше, малышка. Мне очень понравилось, а тебе?

Слова Максима доносились до девушки словно сквозь густой туман, Настю неудержимо тянуло в сон, и она не могла пошевелить ни рукой ни ногой. И как ее угораздило так напиться? Ну да, раньше она не пробовала алкоголя, а здесь одна осушила почти всю бутылку шампанского...

Максим что-то продолжал говорить, но Настя его не слышала. Веки девушки закрылись, и она, пробормотав, что ей очень хочется спать, в самом деле погрузилась в сон.

* * *

Молодой человек, увидев, что Настя отключилась, приподнял двумя пальцами ее веки, затем измерил на запястье

пульс и даже дал девушке пару пощечин – никакой реакции. Настя крепко спала, погрузившись в медикаментозный сон, усиленный шампанским.

– Прекрасно, – произнес Максим и надел джинсы.

Он накрыл Настю пледом и осмотрелся по сторонам. Итак, все прошло именно так, как и планировал отец, – девчонка попыталась соблазнить его, не подозревая, что в действительности он сам соблазнил ее. Как будто он не понимал, что затевает Анастасия! Ему ли не ведать, чего хочет женщина – в данной области у Максима Остоженского был более чем приличный опыт.

Молодой человек прошел в холл, взял чемоданчик, с которым пришел к Насте, и отправился в кабинет Всеволода Петровича.

Большое везение, что прокурор с женой отбыли в Ленинград. Конечно, было бы еще лучше, если б они захватили с собой дочку и квартира осталась бы пустой, однако Настя осталась в Болотовске. Впрочем, возможно, это даже удобнее, ведь квартира прокурора подключена к системе муниципальной сигнализации, и проникнуть в нее, когда все уехали, весьма сложно. А так потребовалось явиться в гости к девчонке, втрескавшейся в него по уши, накачать ее шампанским, а затем под видом средства от похмелья подсунуть быстродействующее снотворное. Настя продрохнет не меньше семи-восьми часов, то есть до утра следующего дня. А к тому времени он, разумеется, справится с той задачей, что

была поставлена перед ним отцом.

О том, что Глеб Романович является руководителем преступного сообщества, в народе именуемого мафией, Максим знал уже несколько лет: он был весьма сообразительным малым, и отцу было сложно утаить от сына правду. Да полковник, собственно, и не пытался утаивать: смерть супруги ожесточила Глеба Романовича и в то же время чрезвычайно сблизила отца и сына. Максим давно понял, что отец стремится к власти, ради которой готов идти против закона.

Молодой человек знал, что сейчас торопиться у него нет причин: девчонка спит, ее родители находятся в Ленинграде и ему никто не помешает. Он раскрыл чемоданчик, извлек из него странные штуковины, оказавшиеся подслушивающими устройствами, разместил в каждой комнате по два приборчика. Отцу требовалось знать обо всем, что происходит в квартире прокурора, – о чем Лагодин говорит, что намеревается делать. На рабочем месте, в прокуратуре, имелись надежные осведомители, но требовалось взять под контроль и личную сферу Всеволода Петровича.

Максим обшарил письменный стол прокурора, а затем нагнулся на большой сейф, вмонтированный в стену. Наверняка там Лагодин хранит важные документы. Молодой человек взял трубку телефона, набрал хорошо известный номер и сказал:

– Можешь подниматься, она дрыхнет.

Минуту спустя в квартире появился и сам полковник

Остоженский. Взглянув на мирно посапывавшую Настю, он похлопал сына по плечу:

– Я горжусь тобой, Максимка. Ну что же, девица спит как сурок, а мы займемся сейфом ее папаши.

Ключ от сейфа обнаружился в одном из ящиков стола. Остоженский, открыв сейф, вытащил несколько папок и принялся их внимательно изучать.

– Папа, по-моему, Лагодин опасен, – заметил Максим. – А что, если приструнить его...

– Взятки он не берет. Слишком, видите ли, принципиальный. А по моему мнению – феноменально туп, – промолвил Остоженский. – Значит, остается только один-единственный выход. Однако еще рано, слишком рано. За Лагодиным стоит Москва, а тягаться силами с Москвой мы пока что не можем.

– Но если Лагодин приведет в исполнение свой план широкомасштабных арестов... – протянул Максим, на что полковник, вытаскивая миниатюрный фотоаппарат, ответил:

– Ну, так быстро у него не случится, ведь прокурор должен получить разрешение на проведение столь крупной операции с самого верха. А я постараюсь сделать так, чтобы этот процесс затянулся.

* * *

Два с половиной часа спустя, сделав фотографии всех нужных документов, Остоженский-старший удалился из

квартиры. Максим же остался. Когда Настя открыла глаза, чувствуя странную слабость во всем теле, то первым, кого девушка увидела, был Максим, сидевший в кресле напротив.

– Доброе утро, малышка, – сказал он приветливо.

Настя подскочила с дивана и в удивлении спросила:

– Я так долго проспала? Но как такое могло произойти?

И почему ты меня не разбудил?

– Ты была так очаровательна во сне, что я не рискнул прерывать твой покой, – ответил Максим. – Поэтому мне не оставалось ничего другого, как любоваться на тебя, Настя!

Девушка обвела комнату взглядом и увидела, что остатки еды со стола исчезли, везде царил идеальный порядок. Ей сделалось стыдно – она пригласила под надуманным предлогом к себе Максима, а затем просто отключилась. Сама виновата, нечего было хлестать шампанское!

– Нам было очень хорошо прошлым вечером, – заметил Максим. Он приблизился к девушке и поцеловал ее. – Но сейчас мне, увы, пора.

– Мы ведь еще увидимся? – спросила с замирающим сердцем Настя, и молодой человек заверил ее:

– Ну конечно же, мы еще увидимся! Я же так люблю тебя!

Настя и не подозревала, что Максим произнес заученные, стандартные фразы. К девушке молодой человек не испытывал ни малейших чувств, секс с ней был одним из самых плохих воспоминаний в его жизни, и он, разумеется, не любил ее, но Настя должна была верить в обратное, ведь так ему

легче проникнуть в квартиру Лагодиных.

– Я позвоню тебе перед отъездом, – пошел к двери, подхватив чемоданчик, Максим.

– Перед отъездом? – оцепенело спросила Настя. – Но ведь ты пробудешь в Болотовске еще неделю или даже полторы?

– К сожалению, нет, – ответил Максим, – ситуация изменилась, я уезжаю в Москву послезавтра.

– Послезавтра! – воскликнула Настя. – Но как же...

Максим на прощанье поцеловал Настю и сказал:

– Не переживай так. Мы будем поддерживать контакт, а на зимних каникулах я загляну в Болотовск. Ну, чао, малышка!

Когда дверь за Максимом закрылась, Настя устремилась в ванную, чувствуя, что по лицу бегут слезы. Ее любимый уезжает, и она не в состоянии ничего изменить! Взглянув на себя в зеркало, Настя ужаснулась: лицо больше походило на физиономию индейца, чем на личико девушки. Бурно рыдая, Настя встала под душ и попыталась припомнить события прошлого вечера. Она ведь была уверена, что каждая деталь врежется ей в память, а получается, что ничегошеньки не помнит. Но Максим сказал, что им было очень хорошо, и он наверняка говорит правду. Зачем ему обманывать?

С Максимом она увиделась день спустя, на железнодорожном вокзале – Настя провожала молодого человека в Москву. Она, никого не стесняясь, заплакала и повисла на шее Максима. Тот, несколько сконфуженный, попытался отстраниться.

– Ну, мы ведь расстаемся ненадолго. Запомни, зимой, в конце января или начале февраля, мы обязательно встретимся вновь.

– Так долго ждать! – воскликнула Настя.

Максим поцеловал ее в щеку и поднялся в вагон. Наконец поезд тронулся с места, и молодой человек, махая рукой стоявшей на перроне Насте, думал о том, что к зиме все наверняка закончится. Эту девушку он больше никогда не увидит, его миссия выполнена. Максим подумал о нескольких особах, с нетерпением ждавших его в столице. Вот они – настоящие горячие штучки в отличие от закомплексованной девственницы Насти Лагодиной. Как только он прибудет в Москву, то сразу же оторвется по полной программе. Надо же, целый месяц воздержания! И все ради отца, все ради мафии...

* * *

Настя вернулась в огромную пустую квартиру и долго рыдала, уверяя себя, что сумеет дождаться Максима. И тут же принялась писать письмо любимому. Только потом сообразила, что не знает его московского адреса, и, набравшись смелости, позвонила на квартиру полковнику Остоженскому. Не подозревая, что верные люди Глеба Романовича вжигую слышали ее рыдания благодаря установленным Максимом подслушивающим устройствам, она спросила, как мож-

но связаться с его сыном.

— Проще всего будет, если ты станешь передавать письма для Максимки мне, — заверил ее полковник. — Я по своим каналам быстро переправлю их в Москву. Только у Максима сейчас начинается ответственная пора, ему надо усиленно заниматься, поэтому он не сможет быстро отвечать...

Родители, довольные и веселые, вернулись из Ленинграда, и Настя, конечно, утаила от них те события, что произошли в их отсутствие в квартире. Она передавала полковнику письма для Максима, не реже одного письма в неделю, а иногда два или даже три, но ответа все не было. Наконец, во второй половине ноября, Остоженский передал ей открытку от Максима, на которой было начертано несколько приветливых фраз. Настя перечитала их не меньше тысячи раз, покрыла открытку поцелуями и даже положила ее под подушку.

Тем временем по городу поползли слухи — шептались, что вот-вот грянет волна повальных арестов, прямо-таки как в тридцатые годы. Только на сей раз в кутузке окажутся не «враги народа», как настоящие, так и мнимые, а те, кто расхищает социалистическую собственность, занимается финансовыми аферами и торгует краденым золотом и наркотиками. Всеволод Петрович уже давно поставил в известность свое начальство в Москве, что расследование завершено, однако без особой санкции он не имел права затевать такую широкомасштабную операцию. А отмашки все не было.

Наконец Лагодин принял решение об аресте нескольких партийных деятелей, в том числе заместителя председателя горисполкома, а также директора завода «Вторчермет»: у него имелись доказательства того, что эти субъекты занимаются приписками и кражами металла в крупных размерах. Подозреваемые были арестованы, однако, к большому удивлению и разочарованию прокурора, улик, которые он так надеялся найти на заводе, обнаружено не было. Бухгалтерия оказалась в полном порядке, все цифры полностью соответствовали министерским. Ни о каких хищениях не могло быть и речи!

Лагодину позвонили из Москвы и долго его отчитывали и даже ругали за самоуправство. Всеволод Петрович и сам не мог объяснить, как так получилось, что он сел в галошу. Он и не подозревал, что Остоженский, почерпнув весьма ценные сведения из бумаг прокурора, приказал директору завода уничтожить все компрометирующие документы и заменить их иными, вопросов не вызывающих. Никто из арестованных не собирался колотиться, несмотря на угрозу больших тюремных сроков и даже расстрела, – все изображали из себя невиновных, клялись в том, что стали жертвами судебной ошибки. Оказавшись же на воле, все сразу же стали строчить многочисленные кляузы в Москву, обвиняя прокурора Лагодина в предвзятости, некомпетентности и использовании запрещенных методов ведения допроса.

Всеволод Петрович обратился с докладной запиской на

имя генсека Андропова, в которой обстоятельно изложил свой план и испрашивал разрешения на приведение его в исполнение. Ответа на докладную записку Лагодин так и не получил, ибо она просто не дошла до Андропова. А в начале февраля граждане Советского Союза узнали о трагической потере, которую понесло все прогрессивное человечество, – генсек Андропов скончался.

Именно этого момента и ждал Остоженский. Тот, кто мог бы защитить Лагодина, отдал богу душу, а новый генсек не собирався продолжать политику своего предшественника и тотчас отказался от мысли о громких расследованиях и показательных процессах. Глеб Романович понял, что настала пора действовать. Однако прокурор хоть и был лишен покровителя, все еще являлся опасным. Следовало вывести Лагодина из строя, причем раз и навсегда.

* * *

Во второй половине дня семнадцатого февраля 1984 года в служебном кабинете Лагодина раздался телефонный звонок. На проводе был полковник КГБ Остоженский.

– Всеволод Петрович, у меня к вам очень важное и конфиденциальное дело, – сказал он таинственно. – Я напал на след такого преступления, что вы только ахнете. Замешана вся верхушка нашего города, сразу можно взять их всех с поличным. Нам нужно увидаться как можно быстрее. Одна-

ко надо соблюдать конспирацию, поэтому прошу вас никому не рассказывать о моем звонке. Я сейчас назову вам адрес и прошу вас приехать сегодня по нему к девяти вечера. Только не на служебной машине. И вообще, за вами могут следить, так что адрес не записывайте, а запомните: улица Коммунаров, дом 26, квартира 14...

Лагодин, завершив разговор с Остоженским, почувствовал, что у него отлегло от сердца. В последнее время, как казалось прокурору, все шло наперекосяк – задержанных пришлось отпускать, улики, которые казались ему неопровержимыми, вдруг становились совершенно бесполезными. И тут еще смерть Юрия Владимировича... Лагодину уже звонили из Москвы, сказали, что надо сбавить темп, мол, нечего устраивать новый террор – новый генсек Черненко не желал резких перемен.

Отпустив шофера, прокурор на трамвае номер пять доехал до остановки «Городской парк», предпоследней на маршруте, оттуда рукой было подать до улицы Коммунаров. Ну прямо-таки игра в разведчиков! Конспиративная квартира, как будто он – профессор Плейшнер, а Остоженский – Штирлиц... Интересно, какого рода документы представит ему полковник?

Нужный дом оказался длиннющей пятиэтажкой с огромным количеством подъездов. Ему требовался первый подъезд, последний этаж. Вот и выкрашенная зеленой краской деревянная дверь с тусклой табличкой «14». Лагодин не

успел даже нажать на кнопку звонка, как дверь распахнулась – на пороге стоял Остоженский.

– Быстрее! – сказал он шепотом. Прокурор шагнул в темный коридор. Но еще до того, как глаза Всеволода Петровича успели привыкнуть к мраку, на голову ему обрушилось что-то тяжелое, и Лагодин потерял сознание.

Склонившись над лишившимся чувств прокурором, Остоженский (он был в перчатках и в черном тренировочном костюме) обшарил карманы пальто Всеволода Петровича. Оттащив его в туалет, вышел, скрылся в одной из комнат квартиры, вернулся обратно, держа пистолет с глушителем. Вложив оружие в руку прокурора, поднес пистолет к виску Лагодина и без малейшего колебания спустил курок. Раздался приглушенный хлопок... Прокурор был мертв.

Остоженский неторопливо открутил глушитель, положил его в карман штанов и принялся работать над трупом. Это было не первое убийство, совершенное им в тот день – в спальне находилась задушенная им же около получаса назад женщина. Но всем предстояло думать, что ее убийцей является не кто иной, как покойный прокурор Лагодин.

Полковник тщательно разработал операцию по уничтожению Лагодина. Конечно, можно было, выманив его на окраину города, напасть на прокурора в городском парке и представить все как обыкновенное разбойное нападение. Убийцу никогда бы не нашли, невзирая на все старания. Однако что бы это дало? Ровным счетом ничего. Лагодин бы стал после

смерти героем, а Остоженскому требовалось скомпрометировать Всеволода Петровича. Поэтому Всеволоду Петровичу предстояло не просто умереть – он должен был после смерти превратиться в парию, отверженного, изгоя. О нем предпочтут забыть, его имя вымарают из списка прокурорских работников. Скомпрометировав Лагодина, Остоженский скомпрометирует и его расследование, которое никогда не будет доведено до конца.

* * *

Настя получила еще одно, правда, очень короткое, письмо от Максима. Тот сообщал ей, что им, к сожалению, придется расстаться, так как они не подходят друг другу. Послание стало для Насти громом среди ясного неба, и она считала, что жизнь ее окончательно разрушена. Но девушка и не подозревала, что ее теперешнее горе – только начало всех несчастий...

Отец часто возвращался домой поздно ночью, иногда даже под утро, потому что ему требовалось работать с бумагами. Его всегда привозила служебная машина. В тот вечер он снова задержался, и Галина Сергеевна позвонила в прокуратуру, чтобы узнать у мужа, когда примерно ждать его домой. Дежурный ответил ей, что Всеволод Петрович ушел в начале девятого и обратно не возвращался. Шофера он отпустил, сказав, что ему требуется уладить кое-какие частные дела.

Галина Сергеевна взглянула на часы – стрелки показывали четверть первого ночи. Странно, путь от прокуратуры, даже если добираться не на служебной машине, а на общественном транспорте или идти пешком, до их расположенного в самом центре города дома занимает не более пятнадцати-двадцати минут. Но если Сева ушел в начале девятого, то почему он все еще не дома, хотя прошло около четырех часов? И что за «частные дела» могут быть у него?

Дочка заперлась у себя в комнате, и Галина Сергеевна слышала приглушенные рыдания, однако Настя наотрез отказалась разговаривать с матерью. Ну, что поделать, переходный возраст, наверняка у девочки очередная любовная драма.

Галина Сергеевна с толстой монографией, посвященной философам Ренессанса, уселась в кресло, закуталась в плед и принялась ждать мужа. Она дала себе слово, что не заснет, однако так уж получилось, что вскоре женщина начала клевать носом и погрузилась в сон. Разбудила ее резкая трель дверного звонка – Галина Сергеевна подскочила, уронила на пол монографию, едва не споткнулась о массивный том и кинулась к двери, бросив предварительно взгляд на настенные часы – они показывали без десяти пять. Сева вернулся!

Но на пороге стоял не Сева. В команде из нескольких мужчин Галина Сергеевна сразу признала не простых гостей, а людей, работающих в органах. Один из них, ткнув ей в лицо развернутым удостоверением, сказал:

– Гражданка Лагодина, вот постановление прокуратуры о проведении в вашей квартире обыска.

Галина Сергеевна нервно рассмеялась:

– Не понимаю, в чем дело, товарищи! Вы, наверное, ошиблись дверью. Мой муж – прокурор города...

Но ее никто не слушал. Мужчины шагнули в квартиру и тотчас бросились к шкафам и комодам. Кутаясь в плед и близорую щурясь, Галина Сергеевна пыталась прочитать постановление прокуратуры.

– Это какая-то чудовищная ошибка! Вы должны связаться с моим мужем, – заявила она, – или с его заместителями. И вообще, что вменяется нам в вину?

– Там все написано! – нелюбезным тоном отозвался один из незваных гостей. – Где кабинет вашего покойного мужа?

Галина Сергеевна, вскрикнув, потеряла сознание. Она пришла в себя от того, что кто-то совал ей под нос ватку, пропитанную нашатырем. Над ней склонился профессор-гинеколог, сосед по лестничной клетке, который, как оказалось, выполнял функции понятого.

– Галина Сергеевна, миленькая, с вами все в порядке? – бормотал участливо профессор, но Лагодина, не слушая его, простонала:

– Что с моим мужем? Прошу вас, скажите мне, что с ним? Почему тот субъект сказал, что... что Сева умер...

Появились и медики. Насупленная медицинская сестра подошла к Галине Сергеевне.

– Сейчас мы сделаем вам укольчик, и все будет хорошо.

– Я не хочу никаких укольчиков! – крикнул та. – Скажите, что с моим мужем! И оставьте меня в покое!

– Вам необходимо успокоиться, – заявила медсестра.

Галина Сергеевна возмущенно завопила, и внезапно ее скрутили два дюжих санитаров. Медсестра с поразительной ловкостью всадила ей в предплечье иглу и сказала:

– Ну вот, сейчас вы почувствуете себя намного лучше.

Перед глазами Галины Сергеевны все закружилось, лица смешались в фантасмагорическую картину: узкие губы медсестры, седая борода клинышком соседа-профессора, одинаковые наглые хари тех субъектов, что проводили обыск, и посередине всего этого испуганное лицо Насти, замершей посреди гостиной.

* * *

Галина Сергеевна открыла глаза и подумала, что сон, который ей привиделся, был самым мерзким и глупым из всех, что ей когда-либо доводилось видеть.

Повернув голову, женщина увидела, что находится в больничной палате. Она попыталась привстать, однако не смогла – тело было словно свинцом налитое. Дверь палаты распахнулась, появилась вальняжная рыжеволосая полная дама в белом халате.

– Доброе утро, Галина Сергеевна! – сказала она, улыба-

ясь, отчего стали видны золотые зубы. – Отдых пошел вам на пользу. Сейчас будет питательный завтрак, но сначала вам необходимо восстановить силы при помощи небольшой инъекции. Сестра, прошу!

Появилась медсестра, Галина Сергеевна забилась на кровати.

– Где я? И кто вы такие? Что с моим мужем, что с моей дочерью? Я требую немедленно ответить на мои вопросы!

– Ну конечно, конечно, – закивала ласково врач, наблюдая за тем, как сестра наполняет шприц содержимым ампулы. – Вы находитесь в больнице, однако с вами все в полном порядке, только вот надо немного успокоить нервы...

– Если со мной все в порядке, то почему вы пичкаете меня черт знает чем? – закричала пронзительно Галина Сергеевна. – Где мой муж, что с Севой? Вы не можете удерживать меня здесь силой! Я имею право знать...

– Имеете, имеете, – поддержала ее врач. – Но сначала вам надо успокоиться, а потом мы и поговорим.

И Галина Сергеевна получила еще одну инъекцию, после которой желание задавать вопросы и кричать немедленно исчезло, а хотелось одного: лежать недвижимо на кровати и смотреть в потолок.

О том, что произошло с Всеволодом Петровичем, Галина Сергеевна узнала через два дня. Успокоительное, которым ее пичкали в закрытой клинике для душевнобольных, оказало свое воздействие, и Лагодину навестил полковник Остожен-

ский. Глеб Романович был собран, подтянут и лаконичен. Он не стал ходить вокруг и около.

– Галина Сергеевна, я знаю, что вынести правду далеко не каждому под силу, однако я слишком вас уважаю, чтобы лгать.

Полковник, рассматривая бледную изможденную женщину, подумал о том, что истины Лагодина никогда не узнает. Что бы она сказала, если бы ей стало известно, что убийца ее мужа находится перед ней и приносит свои соболезнования – неискренние, конечно же?

– Картина происшествия однозначна, – заявил Остоженский. – По причине высокого положения вашего супруга к работе был подключен Комитет государственной безопасности, а возглавить комиссию по расследованию гибели моего хорошего друга Всеволода Петровича поручено мне.

Затем Остоженский, для приличия помолчав немного, продолжил:

– Галина Сергеевна, мужайтесь. Ваш супруг покончил с собой. Но до этого он убил свою любовницу.

– Что? – вырвалось у Галины Сергеевны. По щекам женщины побежали слезы. – Вы обманываете меня! У Севы не было никакой любовницы!

Глеб Романович возразил:

– К сожалению, факты вещь упрямая. Как удалось установить следствию, Всеволод Петрович на протяжении последних пяти месяцев имел связь на стороне с гражданкой Гра-

чевой Светланой Николаевной, кассиром универсама № 9. Гражданка Грачева была младше Всеволода Петровича на восемнадцать лет, отличалась вздорным характером и любила заложить за воротник. По всей видимости, в тот вечер произошла ссора, и Всеволод Петрович, наверняка в припадке гнева, задушил Грачеву, а когда осознал, что произошло, предпочел покончить с собой. Мы нашли его в туалете квартиры любовницы.

– Но как же так... – прошептала Галина Сергеевна, всхлипывая. – Глеб Романович, скажите, может быть, произошла ошибка? Может, это сделал кто-то другой? Или та особа убила Севу?

– Ну да, а потом сама себя задушила при помощи шарфа, – откликнулся полковник иронично. – Нет, сначала была убита Грачева, а затем и ваш супруг покончил с собой. В квартире никого больше не было. Медэксперты уверены на сто процентов: именно Всеволод Петрович виноват в произошедшем. Мне очень жаль, дорогая Галина Сергеевна, мне очень жаль...

– Но что же теперь будет? – спросила беспомощно женщина, и Остоженский, потрепав ее по плечу, ответил:

– Я, как лучший друг вашего покойного мужа, не брошу вас и Настю, можете мне поверить. Однако разрешите дать совет – оставаться в Болотовске вам не стоит, лучше всего вернуться в Ленинград. У вас ведь там имеется сестра?

Четверть часа спустя Глеб Романович покинул палату,

в которой находилась Лагодина. Дело было сделано: вдова узнала о том, что ее покойный супруг был последней сволочью, мерзавцем и к тому же трусом – убил любовницу и из страха перед последствиями застрелился. Если о Лагодине кто и будет вспоминать, то исключительно как о неудачнике, предателе идеалов, человеке, запятнавшем честь мундира. Остоженский был весьма доволен содеянным – все прошло именно так, как он и планировал. Прокурора в городе не любили, поэтому сразу же приняли версию о его самоубийстве. Да и полковник постарался на славу, подтасовав улики и отлично обставив мизансцену. Что же, теперь Лагодин станет преступником, а результаты проведенного им расследования превратятся в макулатуру. Осталось только спроводить вдову и дочку покойного из города, и тогда Глеб Романович сможет сконцентрироваться на том, что было для него главным, – на увеличении своей власти и капитала.

* * *

Настя помнила страшную сцену, разыгравшуюся той февральской ночью, – мама, кричащая и вырывающаяся из рук дюжих санитаров, медсестра со шприцем, пожилой сосед-профессор, старающийся увещевать маму, незнакомые мужчины, открывавшие ящики стола, копошившиеся в белье, перетрясавшие книги...

Она проснулась от шума и громких голосов и выскользнула

ла из своей комнаты в коридор. Девушка все никак не могла прийти в себя после вести о том, что Максим расстается с ней, а тут такое! Анастасия не сразу сообразила, что происходит, вначале решила, что с мамой стало плохо, поэтому бросилась к Галине Сергеевне.

Но та уже обмякла под воздействием инъекции, сделанной ей медсестрой. Затем маму подхватили санитары и унесли – девушка все пыталась выяснить, куда именно.

Мужчины, проводившие обыск, переглянулись, и один из них поманил Настю за собой. Они оказались на кухне.

– Вот что я должен сказать тебе, девочка, – немного неуверенно заговорил мужчина. – Твой отец... Я вижу, что ты еще ни о чем не знаешь... Гражданин Лагодин покончил с собой!

Новость была такой невероятной, что Настя не восприняла ее всерьез. Папа – и самоубийство! Поэтому она еще раз спросила, в чем же дело. Представитель прокуратуры тяжело вздохнул и повторил:

– Я же говорю, твой отец придушил свою любовницу, а потом застрелился. Уже и в Москву об этом сообщили. Такой скандал грядет, просто ужас!

И он ушел, оставив Настю одну на кухне. Девушка опустилась на табуретку и попыталась привести в порядок мысли. Какая еще любовница? У папы никогда не было любовницы. И даже если бы была – зачем ему... зачем ему душить ее? А затем стреляться?

Вопросов было гораздо больше, чем ответов, поэтому, ко-

гда в квартире Лагодиных появился Глеб Романович Остоженский, Настя кинулась к нему, как к родному, надеясь, что он сможет прояснить ситуацию.

Полковник в скупых фразах обрисовал ее и добавил:

– Мне очень жаль, Настя, но сомневаться в правдивости версии не приходится. Тебе лучше сейчас подумать о судьбе Галины Сергеевны. Твою маму доставили в городскую больницу № 17, в психиатрическое отделение. Однако не пугайся, с твоей мамой все в порядке, я справлялся. Ей требуется прийти в себя, и через несколько дней ее выпишут. Ты должна знать, Настя, что твой отец был моим лучшим другом. Пусть мы познакомились не так давно, но я успел понять, что он – честный человек. Увы, у него, скорее всего, просто не выдержали нервы, поэтому он и напал на Грачеву. А когда понял, что совершил преступление, принял решение, достойное настоящего мужчины, – покончил с собой.

Настя долго плакала, прижавшись к груди полковника, а тот даже и не пытался утешить ее. Девушка была благодарна отцу Максима – он был откровенен и разговаривал с ней, как со взрослой.

Обыск в квартире Лагодина закончился, когда уже окончательно рассвело. Настя, закутавшись в плед, сидела на кухне и тупо смотрела в окно, на Театральную площадь, по которой сновали горожане. А ведь всего двадцать четыре часа назад все было в полном порядке! Папа был жив, мама в полном здравии. И вот все разительно переменялось...

К девушке подошел полковник Остоженский и произнес:

– Я только что говорил с дежурным врачом отделения, где находится Галина Сергеевна. Успокоительное оказало целебное действие, и твоей маме стало значительно лучше. Сейчас она отдыхает. Думаю, под вечер ты сможешь увидеть ее.

– А я смогу... смогу увидеть его? – спросила Настя, чувствуя, что ее охватывает дрожь.

Остоженский внимательно взглянул на девушку и пояснил:

– В данный момент тело твоего отца находится у судебно-медицинских экспертов. Но я смогу устроить так, чтобы ты простилась с ним. И вот еще что... Если бы Всеволод Петрович погиб, находясь при исполнении служебных обязанностей, ему бы, разумеется, устроили похороны за счет государства. Но дело в том, что он совершил преступление, а затем покончил с собой... В таком случае вам придется самим заняться организацией похорон. Однако я, конечно же, помогу тебе и маме! Вы можете на меня положиться!

На душе у Насти скребли кошки, ей было грустно и тошно. Хотелось одного: открыть глаза и понять, что весь этот кошмар – не более чем страшный сон. Остоженский сказал девушке, что надо позвонить в Ленинград, тете Оле, родной сестре мамы, и сообщить о случившемся. Но у Насти не было сил и желания говорить о смерти папы с тетей Олей, поэтому она сообщила полковнику телефонный номер, а тот уверил

ее, что сам все уладит.

Наконец квартира опустела. Последним ушел Остоженский, напомнив, что если Насте понадобится его помощь, то она может звонить в любое время дня и ночи ему домой или на работу. Только оставшись одна, девушка дала волю чувствам, но слез было на удивление мало. Неужели она не любила отца? Почему же у нее в голове вертится одно и то же: «Придушил любовницу, а затем застрелился».

* * *

Остоженский не обманул – организовал визит Насти в больницу, где находилась Галина Сергеевна. Та встретила дочку равнодушно, и только через некоторое время девушка поняла, что апатия и отсутствие всяческого интереса объясняются большим количеством лекарств, которыми мама напичкана.

Заснуть в пустой квартире Настя никак не могла, ей все казалось, что по квартире кто-то ходит. Разбушевалося воображение, конечно, понимала девушка. Она провела всю ночь за тем, что аккуратно складывала разбросанные при обыске вещи. Монотонное занятие позволило ей ни о чем не думать, но почти все в квартире напоминало об отце. То и дело Настю душили рыдания, но она была уверена, что не имеет права распускаться.

Днем пару раз позвонил полковник Остоженский – спра-

виться о том, как у Насти дела. Он передал привет от Максима, и сердце у девушки учащенно забилося.

– Он выражает тебе свои соболезнования, – пояснил Глеб Романович. И добавил: – Но ты сама понимаешь, Максим сейчас очень занят, у него сессия...

Тетя и дядя прибыли в половине третьего. Дядя Дима тотчас отправился по инстанциям, а тетя Оля и Настя съездили в больницу за Галиной Сергеевной.

Вечером вернулся дядя Дима, который сообщил, что тело можно будет забрать на следующий день. Их навестил полковник Остоженский, который привез с собой две сумки, набитые свежими продуктами. Глеб Романович сразу же очаровал тетю и вызвал восхищение у дяди.

– Мне удалось кое-чего добиться, – заявил, выставляя деликатесы на стол, Остоженский. – Однако начну с неприятных новостей. Квартира, как вы сами понимаете, служебная, и вам придется ее освободить в течение месяца. И теперь вам надо выбрать – оставаться в Болотовске или возвращаться в Ленинград.

– Конечно, в Ленинград! – заявили в один голос дядя и тетя. – Галя, Настенька, здесь, в провинции, вам делать нечего!

– Я и не собиралась оставаться здесь, – добавила Галина Сергеевна. – Мы уедем. У нас ведь осталась там квартира. Но... А ее у нас тоже отберут?

Полковник успокоил вдову своего лучшего друга:

– Нет, этого вам не надо опасаться, Галина Сергеевна. Ко-

нечно, квартира в Ленинграде государственная, однако кончина Всеволода Петровича ничего не меняет – вы и Настя имеете полное право на жилплощадь. Я говорил кое с кем из Москвы, и там согласны, что вы, вдова и дочка Всеволода Петровича, не должны нести лишения из-за произошедшей страшной трагедии. Уверен, для вас не составит труда вернуться на кафедру в Ленинградском университете, где вы до недавнего времени работали. А тебе, Настя, необходимо подумать о том, что всего через три месяца у тебя в школе экзамены.

Когда он ушел, тетя Оля, обняв сестру, сказала:

– Какой же замечательный человек Глеб Романович! Сразу видно, он очень ценил Севу.

* * *

Отца Настя в последний раз видела в городском морге – девушка настояла на том, чтобы попрощаться с Всеволодом Петровичем. Он лежал в гробу, одетый в строгий черный костюм с темно-красным галстуком. Над телом потрудились гримеры, но полностью замаскировать пулевое отверстие на правом виске было нельзя. Настя дотронулась губами до ледяного лба отца и выбежала из зала.

Тело переправили в Ленинград – Галина Сергеевна не хотела, чтобы мужа похоронили в Болотовске. Лагодин нашел место последнего упокоения на Ново-Волковском кладбище

Ленинграда, рядом со своими родителями. Затем состоялся поспешный переезд, и в Ленинграде Настя пошла в прежнюю школу – помог все тот же полковник Остоженский.

Девушка заметила, что за прошедший год многое изменилось. Те, кого она раньше считала друзьями, отвернулись от нее, отпускали гадкие шуточки за ее спиной и даже открыто издевались: утаить историю о том, как ушел из жизни ее отец, было невозможно. Странно, но Настя с тоской вспоминала одноклассников в Болотовске и часто думала о том, что им с мамой лучше было остаться там, а не возвращаться в Ленинград.

Галину Сергеевну с радостью приняли на кафедре, и она тотчас же с головой ушла в работу: это было ее реакцией на трагедию с мужем. Днем она занималась преподавательской деятельностью, а ночью корпела над диссертацией.

Раньше родители сходились во мнении, что после окончания школы Настя должна выбрать юридическую стезю, тем более что ее отец являлся прокурором. Трагедия с Всеволодом Петровичем перечеркнула все планы. После долгих колебаний девушка остановила свой выбор на философском факультете. Выпускные экзамены она сдала на «отлично», вступительные тоже выдержала и стала студенткой ЛГУ.

* * *

Страна вступила в период перестройки. Полковник Осто-

женский не ошибся в своих прогнозах, и дряхлый генсек Черненко протянул еще меньше, чем его предшественник Андропов. У руля партии оказался новый руководитель, заявивший о необходимости модернизации страны.

Настя не особо интересовалась переменами в стране: она почти все силы отдавала учебе. Попытки молодых людей ухаживать за ней девушка тотчас пресекала: странно, но даже столько времени спустя она все еще тосковала по Максиму, хотя прекрасно понимала, что их ничто больше не связывает.

В судьбе Галины Сергеевны эпоха гласности сыграла роковую роль. Вначале женщина предпочитала не говорить вообще о смерти мужа, затем стала все чаще и чаще поднимать трудную тему во время семейных встреч, потом даже несколько раз съездила в Болотовск, уже снова переименованный в Нерьяновск, хотя Настя знала, что мама ненавидит этот город.

Настя была на четвертом курсе (стояла поздняя осень 1989 года), когда Галина Сергеевна огорошила ее новостью:

– Я уверена, что твой отец не покончил с собой!

– Мама, – заметила мягко Анастасия, – мы ведь уже много раз говорили на эту тему. Я понимаю, тебе очень сложно смириться, но факты говорят...

– Какие факты, Настя? – перебила Лагодина-старшая. – Да, нам было объявлено, что Сева задушил кассиршу Грачеву, а затем сам застрелился, но никаких подтверждений

представлено не было. А теперь подумай сама... У отца имелось служебное оружие, которое он всегда хранил в сейфе, в своем кабинете, и пистолет Макарова, как я узнала, был найден во время обыска. Сева застрелился из совершенно иного оружия, а именно из автоматического пистолета Стечкина. Спрашивается только, откуда он взялся? Если Севе приспичило покончить с собой, то не проще ли было взять табельное оружие?

– Ну, ведь купить пистолет на черном рынке было можно даже тогда... – неуверенно возразила Настя. – У папы, как-никак прокурора, были связи в определенных кругах...

– Твой отец не якшался с преступниками! – оборвала ее мама. – Да и зачем ему было покупать или доставать иным путем еще один пистолет? Ведь он задушил Грачеву, как гласит вывод следствия, в состоянии аффекта, то есть ни о каком планировании преступления вести речь нельзя!

– Пистолет мог иметься у той женщины, – сказала Настя, избегая называть любовницу отца по имени или фамилии.

– С чего вдруг у кассирши универсама появился дома пистолет? – задала вопрос Галина Сергеевна. – Но ты права, Настя, личность гражданки Грачевой не дает мне покоя, поэтому я и побывала в Нерьяновске. Оказывается, она была еще той штучкой – весьма распутной особой, общалась с представителями криминального мира...

– Вот и объяснение тому, откуда у нее взялся пистолет! – вставила Настя. – Он мог принадлежать не ей, а ее... ее кли-

ентам или приятелям-бандитам.

– Не так-то все просто, – покачала головой Галина Сергеевна. – Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы кое-что узнать. Оказывается, пистолет, из которого якобы застрелился Сева, ранее был задействован в разбойном нападении на инкассатора в одной из сберкасс Нерьяновска, тогда еще Болотовска, в 1981 году. И вот что интересно, дочка! Пистолет фигурировал в качестве вещественного доказательства на процессе, а после суда в числе прочих улик был отправлен на хранение в тамошний музей МВД. Так каким образом он оказался потом в квартире Грачевой?

Ответить Настя ничего не смогла, но это и не требовалось, так как Лагодина провозгласила:

– Сева вовсе не покончил с собой! Его устранили! То есть инсценировали самоубийство, подтасовав улики и обвинив Севу в убийстве Грачевой.

– Мама, зачем? – спросила Настя, теряя терпение. – На Западе это называется «теорией заговора», когда всех и вся подозревают в совершении немыслимых преступлений.

Галина Сергеевна покачала головой:

– Настя, неужели ты не понимаешь? Сева прибыл в Болотовск, чтобы навести там порядок, а быть разоблаченным и попасть под суд не входило в планы никого из тамошней элиты и тамошних бандитов. Отцу ведь предлагали взятку в размере миллиона рублей, и все ради того, чтобы он отступился, чтобы закрыл глаза на творившиеся в городе безоб-

разия. За Севой стояла Москва и лично Андропов, но стоило тому умереть, как с Севой случилось несчастье.

Насте сделалось страшно:

– Мама, и что ты хочешь сделать?

– Предать огласке известные мне факты, – заявила та. – Обращусь в газеты, на телевидение, в программу «Взгляд». Сейчас у нас гласность, о том, что криминальные структуры срослись с партийной верхушкой, не говорит только ленивый. Я потребую проведения нового, независимого расследования причин гибели Севы. Если надо, буду настаивать на эксгумации. Потому что никакого самоубийства не было!

– Мама, прошу тебя, забудь! – попросила ее дочь. – Это же так опасно!

– Мне надоело бояться, и ведь наступили другие времена, – стояла на своем Лагодина. – Ты помнишь хорошего друга отца, полковника Остоженского? Он очень нам помог в те трудные времена. Теперь Глеб Романович генерал-майор и работает в столице. Он обязательно мне поможет! Я позволю ему завтра.

Звонок многое изменил: мама поехала в Москву, где имела продолжительную беседу с генерал-майором КГБ Остоженским. Вернувшись в Ленинград, она с гордостью сказала:

– Глеб Романович, в отличие от тебя, мне сразу поверил. Сказал, что мне только в сыщики идти. Заверил, что в течение ближайших дней проверит все факты и поговорит со своим начальством. Комитет заинтересован в наведении по-

рядка в стране, поэтому они обязательно заинтересуются добытыми мною фактами. И проведут независимое расследование. И кстати, тебе привет от Максимки. Ты ведь помнишь его?

Ну как же Насте не помнить Максима! Еще бы, ее первая любовь!

– Он через месяц женится, – продолжила Галина Сергеевна. – Работает сейчас в каком-то министерстве, в начале следующего года защищает кандидатскую...

Настя уже не слушала болтовню матери – Максим женится! Хотя, конечно, ему сейчас двадцать четыре или двадцать пять, так что ничего удивительного. Наверное, нашел подходящую невесту, а ей передает привет. Для него она навсегда осталась глупой школьницей...

* * *

Двадцать девятого ноября Настя, подойдя к подъезду, увидела толпу зевак. Протиснувшись, девушка направилась к входной двери и увидела лежащее на грязном асфальте тело, накрытое белой простыней. Около него топталась пара милиционеров.

– Кому-то стало плохо? – спросила Настя у одной из соседок, но та, в ужасе уставившись на девушку, только замала рукой.

К Насте подошел высокий сутулый милиционер, их участ-

ковый, и спросил:

– Вы и есть Анастасия Всеволодовна Лагодина?

– Да, а в чем дело? – спросила девушка. – Я только что подошла, так что в свидетели не гожусь.

Милиционер, сняв фуражку, почесал лысеющую голову, поскреб кадык и промолвил:

– Пройдемте со мной, Анастасия Всеволодовна. Вы должны помочь нам с опознанием.

Они остановились около тела, и другой милиционер, присев на корточки, сдернул с него простыню.

– Вы знаете эту женщину? – спросил участковый.

И Настя увидела маму, лежавшую на грязном асфальте. Галина Сергеевна была одета в темно-красное пальто, шерстяной берет съехал на сторону, а на правом чулке девушка разглядела большую стрелку.

Мама смотрела в сумрачное ноябрьское небо правым глазом, левое веко было прикрыто. Девушка бросилась на колени, схватила Галину Сергеевну за руку.

– Господи, мамочка... Ей же плохо, помогите кто-нибудь! – закричала Настя. – «Скорая»! Вы вызвали «Скорую»?

– Гражданочка, не устраивайте сцену, потерпевшая мертва, – раздался монотонный голос. – Это первое, что мы установили. Врачей вызвали, но, сами понимаете, ожидание может затянуться.

– Что... что случилось? Сердечный приступ, инсульт... –

забормотала Настя, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. Она все порывалась обнять маму, приподнять ей голову, прижать к себе.

Но участковый отпихнул Настю и грубо сказал:

– Оставьте труп в покое, вы уничтожаете улики. Да какой инсульт, какой сердечный приступ! Грабанули гражданочку, сумку вырвали, кошелек отобрали. А сначала несколько раз по кумполу ударили, причем основательно.

И только в тот момент Настя увидела, что ее руки в крови. И кровь натекла на грязный асфальт – видимо, из раны на мамином затылке.

Девушка пошатнулась, и, не поддержи ее участливый сосед, Настя бы упала. Голова у нее гудела, в глазах двоилось. Единственная мысль занимала ее – маме надо помочь. Настя не верила, что Галина Сергеевна... что мама... что она умерла!

Настю усадили на скамейку около подъезда, кто-то принялся утешать, но девушка не слышала слов. Она смотрела в одном направлении, видя перед собой фигуру, накрытую простыней, и черный, заляпанный грязью полуботинок, высовывающийся из-под простыни.

«Скорой помощи» действительно пришлось ждать долго – Настя потеряла счет времени. Медики прибыли, когда уже окончательно стемнело. Толпа любопытных постепенно разошлась, возле подъезда осталось только несколько старушек и подростков. Настя бросилась к полному мужчине в

безразмерном халате, надетом поверх стеганой куртки.

– Мне необходимо задать вам несколько вопросов, – гудел участковый, обращаясь к Насте. Он достал блокнот и, прочистив горло, продолжил: – Назовите фамилию, имя и отчество потерпевшей, а также степень родства, в которой вы с ней находитесь. Вернее, находились?

Настя механически отвечала на вопросы, внимательно следя за тем, как тело мамы укладывают на носилки, затем записывают в карету «Скорой помощи».

– Пока что все, – сказал, вздыхая, участковый. – Однако, Анастасия Всеволодовна, вам в ближайшее время придется ответить на вопросы еще раз. Всего хорошего!

Последнее пожелание прозвучало словно насмешка – маму увезли, и девушка осталась стоять у подъезда. Внезапно ее охватила тоска, странное и страшное чувство, которое, казалось, было готово разорвать ее сердце.

Ну почему же все так получилось? Прошло лишь несколько лет с той поры, как... как скончался отец, и вот – новое несчастье! Как будто судьбе было недостаточно покарать их семью, и она нанесла еще один удар. Но за что?

* * *

Ответа на этот вопрос Насте дать никто не мог – ни участковый, ни следователь, ни медики. Картина вырисовывалась следующая – пара бабулек, сидевших на лавочке у соседне-

го подъезда, видели, как Галина Сергеевна возвращалась домой. Едва она оказалась около подъезда, ее окружили двое типов. В том, что произошло дальше, показания свидетельниц (одна из них страдала глаукомой, другая близорукостью) расходились: то ли один из типов попытался вырвать у Галины Сергеевны сумочку, то ли нападавшие вначале ударили женщину по голове чем-то, зажатым в руке, а уж потом схватили сумочку: все произошло так быстро и неожиданно, что дамы затруднялись с точной хронологией событий.

Собственно, никто особенно и не интересовался, как именно умерла Галина Сергеевна – по мнению следствия, произошедшее было типичным разбойным нападением, без особых шансов на раскрытие. Лиц нападавших никто, конечно же, не видел, физиономии были скрыты головными уборами (даже относительно оных свидетельницы не могли точно сказать, были на них кепки, вязаные шапки или еще что-то). Убийцы исчезли так же быстро, как и появились. Согласно показаниям еще одного свидетеля, выгуливавшего во дворе болонку, двое мужчин едва не сбили его с ног, а затем уселись в «Жигули» пятой модели – и автомобиль, дав газу, немедленно скрылся в неизвестном направлении. Номерные знаки автомобиля свидетель с болонкой, конечно же, не рассмотрел (начинало уже смеркаться, да и номера были заляпаны грязью). А спустя некоторое время он даже заявил, что не уверен и относительно модели «Жигулей» – не исключено, что была не пятая, а какая-то другая модель.

Настя узнала об этом только спустя почти два месяца: ее занимали совершенно иные заботы. Если бы не тетя Оля и дядя Дима, она бы ни за что не справилась со свалившимся на ее плечи горем. Тетя и дядя помогли с устройством похорон и даже подбросили денег – на сберегательной книжке у матери и дочери Лагодиных к тому времени было всего тридцать два рубля и семнадцать копеек.

Девушка пребывала словно в летаргическом сне, ей казалось, будто она смотрит страшный фильм, и она не хотела признавать, что является в нем главной героиней. Мама, лежащая в гробу, была такой беззащитной и такой... чужой, что Настя, целуя ее в лоб, вдруг подумала: «Сейчас все закончится, сейчас все прояснится».

Но ничего не закончилось и ничего не прояснилось. Тетя Оля около двух недель жила в квартире Лагодиных, но настал момент, когда сестра мамы вернулась к себе (у нее ведь имелась своя семья и собственные семейные заботы), и Настя осталась одна.

В университете отнеслись с большим пониманием к тому, что Настя пожелала взять академический отпуск – Галину Сергеевну там чрезвычайно ценили, и ее смерть стала большой потерей для философского факультета ЛГУ.

Разбирая мамины вещи и бумаги, Настя наткнулась на практически готовую диссертацию – самое большое полгода, и мама вышла бы на защиту.

Озарение пришло внезапно, ночью, когда Настя ворочалась с боку на бок, не в состоянии заснуть, и перебирала в уме события последнего времени. Кто сказал, что произошло случайное разбойное нападение, что на маму напали подростки-наркоманы или шальные гастролеры?

Настя подскочила и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Сквозь тюль она взглянула на ночной двор – именно там и нашла смерть мама. Но ведь до этого она пыталась напасть на след убийц отца, уверенная, что Всеволода Петровича лишили жизни, что никакого самоубийства не было!

В мамином архиве девушка нашла тетрадку, в которой были записаны имена, даты, телефоны. Похоже, туда Галина Сергеевна заносила все, что имело отношение к смерти супруга. Настя не могла расшифровать многие записи, но ей стало понятно: мама на свой страх и риск вела собственное расследование причин гибели отца. И Галина Сергеевна, Настя отлично это помнила, не верила в то, что Всеволод Петрович покончил с собой. Но если самоубийства не было, то оставался один-единственный вариант: прокурора Лагодина убили!

Настя корила себя за то, что не прислушивалась к словам мамы, не принимала всерьез ее разговоры, не интересовалась тем, что та делала в Болотовске и в Москве. Ага, Москва! В Москве она встречалась с генерал-майором Остоженским. Интересно, о чем они говорили?

Среди записей мамы Настя обнаружила и московский телефон Остоженского. Девушка долго колебалась, но в конце концов решила, что звонить Глебу Романовичу не имеет смысла. Вряд ли разговор с ним что-то даст, а в худшем случае она напорется на Максима. Хотя вряд ли тот живет с отцом, ведь Максим собирался жениться.

Настя уже не сомневалась в том, что смерть мамы связана с гибелью отца. Галина Сергеевна говорила что-то о мафии, о том, что отец многим мешал в Болотовске. Не исключено, что она была права и Всеволода Петровича действительно убили, представив все как самоубийство прокурора, задушившего во время ссоры любовницу. Но если так...

Тогда выходит, что никакой любовницы у отца не было! И он вовсе не стрелял в себя, а был застрелен! И мама, желая докопаться до истины, ступила на опасную дорогу. Поэтому... поэтому и сама стала жертвой преступления!

Настя испугалась подобных мыслей. Ведь в таком случае получается, что и никакого разбойного нападения не было –

маму убили намеренно, а сумочку забрали для отвода глаз, чтобы создать видимость ограбления.

Настя попыталась завести об этом речь с тетей Олей, но та сразу же положила конец дискуссии:

– Настенька, я не хочу ни о чем и слышать! Галя вбила себе в голову, что Всеволода убили. Ее можно понять – легче свалить вину на других, чем принять правду. Подумай об учебе в университете, а также о том, что будет дальше. Пусть прошлое останется в прошлом, для тебя важно будущее!

Слова тети Настю не убедили. Чем больше она размышляла, тем сильнее становилась ее уверенность – и отец, и затем мама стали жертвами заранее спланированных преступлений. Причем преступлений, связанных каким-то непостижимым образом с деятельностью Всеволода Петровича в Болотовске, который теперь снова стал Нерьяновском. А значит, искать ответы на все вопросы следует именно там.

* * *

В марте 1990 года Настя предприняла поездку в Нерьяновск. Город практически не изменился. Девушка прошла по Театральной площади и посмотрела на окна своей бывшей квартиры – теперь там жили другие люди.

С собой Настя привезла мамину тетрадку. Красными чернилами там был подчеркнут номер телефона и фамилия: «Хрипунов С.И.». Девушке удалось узнать, что Степан Иг-

натъевич Хрипунов был патологоанатомом, производившим тогда, в 1984 году, вскрытие тела отца и проходимки Грачевой. Уже около двух лет Хрипунов был на пенсии, что облегчало задачу встречи и беседы с ним. Настя позвонила Степану Игнатьевичу, однако едва обмолвилась о своей миссии, как бывший патологоанатом, ругаясь, повесил трубку.

Тогда Настя отправилась к Хрипунову домой. Обитал Степан Игнатьевич в старом пятиэтажном доме с большим палисадником. Вначале девушка не застала патологоанатома, а когда снова пришла по его адресу вечером, то уже со двора увидела свет в окнах квартиры.

Дверь ей открыл грузный пожилой человек с большой лысиной, в тренировочных штанах и засаленной фланелевой рубашке.

– Степан Игнатьевич? – спросила Настя. – Добрый вечер. Я все же хотела поговорить с вами, если позволите. Меня зовут Анастасия Лагодина, и...

– Катись отсюда, иначе вызову сейчас милицию! – завопил Хрипунов визгливо. – Ишь чего, повадились ко мне ходить! Сначала мамаша, теперь еще и дочка! Не хочу ничего знать, моя хата с краю, я вообще пешка во всей этой истории!

– Степан Игнатьевич, в таком случае мне придется сделать то, что я давно планировала! – заявила девушка. – Я обращаюсь на телевидение, где у меня имеются очень хорошие связи, и завтра перед вашей квартирой окажется команда репортеров.

– Что ты мелешь? – вскинулся пенсионер. – Какое телевидение? Ты что, совсем с ума сошла, девка? Ты ж под монастырь не только себя, но и меня, и мою семью подведешь!

– Тогда ответьте на мои вопросы, и я оставлю вас в покое, – настаивала Настя.

Степан Игнатьевич нехотя отступил в сторону, распахивая широко дверь.

– Ладно, пять минут у меня для тебя найдется. Ну, заходи!

Настя прошла в тесную, пропахшую кошачьей мочой прихожую. Хрипунов провел девушку на крошечную кухню, указал на колченогую табуретку, прикрыл дверь и поставил на газовую плиту старенький чайник.

– А ведь я тебя помню, – сказал патологоанатом неожиданно. – Только тогда ты была еще девчонкой, а сейчас вон какая стала... Сколько тебе – девятнадцать, двадцать?

– Вы были тогда в... морге, когда я прощалась с папой? – спросила Настя, и Хрипунов кивнул.

– Ты вся в мамашу пошла, – добавил пенсионер. – Она тоже на лестнице шумела, пришлось ее впустить. И чего вы такие неугомонные?

– Мама умерла, – сказала тихо Настя.

Хрипунов вздрогнул, отодвинул занавеску, посмотрел во двор и озабоченно покачал головой.

– Господи, и за что мне такая кара! Я не хочу сдохнуть, не хочу, чтобы беда коснулась моей семьи.

– Вы что-то знаете! – сказала убежденно Настя. – Степан

Игнатьевич, вы же... вы же проводили вскрытие! Прошу вас, скажите!

Хрипунов вместо этого заявил:

– Да, жаль твою мамашу, но ведь она сама виновата. Предположу, что не своей смертью женщина умерла, наверняка несчастный случай. Что, машина сбила или кирпич на голову свалился?

– Разбойное нападение, – ответила Настя. – Только инсценированное, как я считаю. Маму убили, потому что она слишком много знала!

Чайник засвистел, Хрипунов снял его с плиты и плеснул в кружку воды.

– Ничего не знала она, твоя мамаша, – сказал он, ставя перед Настей кружку с мутной жидкостью, совсем не похожей на чай. – Но много шумела, поэтому ее и хлопнули. Сидела бы тихо, волну не гнала бы, может, все бы и обошлось.

Степан Игнатьевич помолчал, взглянул на Настю и добавил:

– И ты, если не успокоишься, тоже, как и маманя, кончишь. Что на меня так вылупилась? Я тебе добрый совет даю, глаза раскрываю на настоящую жизнь, ты мне благодарна еще будешь!

Он водрузил на стол металлическую тарелку с пряниками. Настя взяла один и надкусила – пряник был черствым.

– Степан Игнатьевич, я же вижу, вы хороший человек, – упрямо заговорила девушка. – Пожалуйста, скажите правду!

Я очень хочу знать! Очень!

— А я жить хочу, тоже очень, — беззлобно огрызнулся бывший патологоанатом. — Господи, и почему вы, бабы, всегда такие настырные и глупые? Говорят же русским языком — не лезь ты в это дело. Тебе что, вывеска нужна, как на трансформаторной будке, «Опасно для жизни»? Вот папаша твой помер, теперь и маманя ласты свернула, а ты все роешь и роешь...

Заметив, что его слова произвели на Настю тягостное впечатление, Хрипунов сменил тему:

— Значит, правду тебе подавай! И что ты будешь с той правдой делать? Солить или мариновать, а потом на развес продавать? Ты же молодая, живешь в Ленинграде, квартира у тебя наверняка отдельная имеется, причем хорошая, а не то, что у меня.

— Вы хотите денег? — встрепелась Настя. — У меня с собой много нет, но от мамы остались кое-какие украшения...

Хрипунов выругался:

— Деньги, деньги! Они всем затмили разум! А ведь почти при коммунизме живем, в эпоху, когда деньги вообще никакой роли не должны играть. Куда там! Значит, так, девка, на вопросы твои отвечу, так и быть, но ты немедленно из города уедешь и забудешь и обо мне, и о том, что я тебе скажу. Ну, понятно?

— Конечно, Степан Игнатьевич, — согласно закивала Настя. Чтобы узнать правду, она готова была дать любое обе-

щение.

Патологоанатом снова выглянул в окно и наконец заговорил:

– Значит, так. Вскрывал я и твоего папашу, и ту особу, Грачеву, которую он придушил. В том, что бабу именно задушили, сомнений никаких не было. Причем сделали это с особой жестокостью. Но детали я опускаю. Что же папани твоего, прокурора, касается, то тут дело совершенно иное...

Он замолчал, однако Настя не смела прерывать паузу. Почесав за ухом, Хрипунов продолжил:

– Никакого самоубийства, конечно, не было. И угол выстрела не тот, и следов пороха на руках не было, и ожога на коже лица нет – ничто не сходится! Твоего папашу убили с близкого расстояния выстрелом в висок. Вскрытие только подтвердило мою версию, о которой я и доложил начальству. Еще подумал тогда, что заваруха начнется. Еще бы, ведь не кого-нибудь, а прокурора города кокнули! Ан нет...

Хрипунов снова сделал паузу. Девушка молча ждала и услышала:

– Начальство мне вдруг и говорит: «Никакое это не убийство, а типичное самоубийство». А кто я такой, чтобы с начальством спорить? Ну ты сама подумай, девка? Конечно, нужный протокол вскрытия и подписал, где стояли заранее кем-то сформулированные выводы о том, что Лагодин Всеволод Петрович покончил с собой. Что мне оставалось делать, а?

Настя взглянула на Хрипунова, на лице которого было написано отчаяние. Голова у девушки шла кругом. Значит, все правда, отец был убит...

– Мафия! – воскликнула Настя, а Хрипунов зашипел:

– Ну, ты еще с транспарантами к исполкому выйди! Мафия не мафия, а могущественные люди, не какие-нибудь тебе гаврики, и даже не воры в законе. Люди, у которых власть, которые боялись утратить свое влияние и оказаться в тюрьме, и все из-за того, что твой папаша не хотел с ними сотрудничать. Слышал я краем уха, что ему миллион предлагали. На такие деньги можно жить припеваючи до конца жизни, а он отказался!

В словах Хрипунова сквозила неприкрытая зависть, из чего Настя поняла, что патологоанатом от миллиона не отказался бы, но ему его, увы, никто не предлагал.

– А кто они, эти люди? – спросила Настя.

– Ты что думаешь, я их поименно знаю? – Хрипунов неприятно рассмеялся. – Да если бы и знал, тебе точно не сказал бы. Ну вот, душу облегчил, только не знаю, правильно ли сделал, что тебе рассказал. А теперь тебе пора, девка.

Настя поняла: Хрипунов что-то утаивает – глаза у патологоанатома бегали, руки дрожали.

– Степан Игнатьевич, я ведь вижу, вы рассказали мне не все, – заявила девушка, стараясь произвести впечатление уверенной в себе особы.

Хрипунов злобно взглянул на Настю:

– Сразу видно, что папаша твой прокурором был. Ничего не знаю! Иди уже!

Настя оставалась сидеть на табуретке. Хрипунов в очередной раз откинул занавеску.

– Ну что ты тут расселась? Сейчас моя старуха домой при- тащится, и если тебя увидит, то устроит скандал. Давай, уби- райся восвояси, девка!

– Почему? – спросила Настя. – Я не прочь познакомиться с вашей супругой. Расскажу ей, что вы меня в гости при- гласили, а потом приставать начали. И вообще, я в милицию могу заявить на вас, Степан Игнатьевич!

Патологоанатом покраснел:

– Вон ты как запела! Я к тебе со всей душой и по-челове- чески, а ты мне свинью решила подложить?

Насте и самой было крайне неловко за свое поведение, но у нее не было иного выхода. Старик знал еще что-то о смерти отца, но упорно не желал говорить. Поэтому она имеет право задействовать все средства, чтобы развязать ему язык.

– Ну ладно, – тяжело вздохнув, сдался патологоанатом. – Никому об этом не говорил, даже твоей мамаше. С нее было достаточно и того, что я тебе сейчас поведал. Как уже ска- зал, я подписал протокол вскрытия, но ведь у меня имелся и другой, подлинный. Начальство велело его уничтожить, но я посчитал, что опасно так делать. Подумал: ну как потом вскрыется, что прокурора все же убили, а под протоколом, согласно которому он покончил с собой, стоит моя подпись.

На меня тогда все шишки и посыплются...

Настя ловила каждое слово патологоанатома, не хотела перебивать, но тут не выдержала:

– И где он, этот протокол, Степан Игнатьевич? Вы его сохранили? Он у вас здесь?

– Нет у меня никакого протокола! – заговорил вдруг суетливо Хрипунов. – Был да сплыл, я его давно уничтожил! Я что, идиот, такие улики хранить?

Настя, понимая, что патологоанатом лжет, нетерпеливо заявила:

– Вы говорите неправду! Но я хочу получить протокол. Понимаю, вам нужны деньги... Продайте мне его! У меня имеется квартира в Ленинграде...

– Да хоть дворец в Бахрейне! – рявкнул Хрипунов. – Соображаешь, чего хочешь? Нет, протокол ты не получишь!

– Значит, вы его все же не уничтожили? Позвольте хотя бы в него заглянуть! – настаивала Настя. – Обещаю, что оставлю вас в покое, как только прочитаю протокол. Я хочу знать, как умер мой отец...

– Я тебе и так рассказать могу, – почти уже согласился Хрипунов, но тут, отдернув опять занавеску, вдруг прошептал: – Старуха моя идет, с сумками... Ну, живо прочь! И все, езжай к себе обратно! Нет у меня протокола! Нет – и никогда не было!

Девушка встала с табуретки, Хрипунов схватил ее за локоть и выволок в коридор. Едва успев натянуть сапоги, но

даже их не застегнув, Настя оказалась на лестничной клетке. Хрипунов швырнул ей в руки полушубок и указал на верхний этаж. Настя уже слышала шаги по лестнице, сопровождаемые тяжелой одышкой. Девушка взлетела наверх и затаилась. Осторожно выглянув, увидела полную даму лет пятидесяти с двумя объемными сумками в руках. Хрипунов бросился к жене, причитая:

– Лидочка, разреши я тебе помогу! Ах, тебе же нельзя таскать такие тяжести! А что ты купила, неужели палтуса? И даже апельсины удалось достать, ну надо же! А сервелат не выбросили? А ведь обещали, обещали...

Супруга, вручая ему сумки, проворчала:

– Я только что говорила с Марьей Прокофьевной, она сказала, что у нас в подъезде настоящий концерт был. Какая-то молодуха к нам ломилась...

Патологоанатом, затаскивая сумки в квартиру, заявил:

– Да какая-то пьяная двери перепутала. Ей нужно было к Ивановым, ну, тем, что над нами живут, а она этажом ошиблась...

– Я прекрасно знаю, кто такие Ивановы и где они живут! – заявила безапелляционно одышливая Лидочка. – Степан, не юли! Та вертихвостка к тебе намыливалась?

– Лидочка, ну что ты! – снова запричитал Хрипунов, и дверь в квартиру захлопнулась.

Настя, застегнув сапожки и надев полушубок, осторожно спустилась вниз и побежала прочь, так и не узнав, чем за-

кончилась драма в семействе Хрипуновых.

* * *

Девушка бродила по городу и размышляла. Итак, патологоанатом сохранил протокол вскрытия в качестве гарантии, чтобы его, если вдруг вскрыется правда, не сделали «стрелочником». Но Хрипунов, вне всяких сомнений, не заинтересован в разглашении подлинных обстоятельств смерти ее отца. Нечего и надеяться на то, что старик вдруг сжалится и разрешит ей ознакомиться с протоколом. И что же теперь делать?

Девушка зашла в пельменную, перекусила, после чего настроение ее значительно улучшилось, а голова заработала с утроенной силой. Итак, все упирается в несносного Степана Игнатьевича. Денег, чтобы подкупить его, нет, да он, пожалуй, и за миллион не выдаст ей протокол. Значит, надо добыть драгоценный документ иным путем!

А иной путь был только один – кража. Настя даже оглянулась по сторонам, опасаясь, не высказала ли столь крамольную мысль вслух. Хотя, естественно, все просто: Хрипунов не собирается отдать ей протокол, значит, надо изъять документ против воли его владельца!

Интересно, где Степан Игнатьевич хранит бумагу? Наиболее подходящее место – его собственная квартира. Но кто знает, может быть, он прячет протокол где-то, к примеру,

на даче, у родственников или в камере хранения на вокзале. Нет. Вряд ли, сама себя остановила Настя, такие важные бумаги должны находиться всегда под рукой.

Девушка пересчитала наличность – тридцать восемь рублей семьдесят семь копеек. Негусто, надо сказать. Однако она не покинет город, пока протокол не окажется в ее руках. Обращаться в нерьяновскую милицию бесполезно – наверняка там, как модно нынче говорить, «все схвачено»: многие из сотрудников работают на мафию. Но ведь в Ленинграде или Москве все не так! Ну конечно, когда документы окажутся у нее в руках, она обратится к генерал-майору Остоженскому, и тот ей поможет. Ведь он был хорошим другом покойного отца.

Прогулявшись по Нерьяновску, Настя сняла номер в гостинице «Октябрьская». Надолго ее финансов не хватит, но ведь ей понадобится всего несколько дней, чтобы осуществить задуманное. А задумала она ни много ни мало, а настоящее ограбление.

Девушка испытывала неведомое чувство: с самого детства ей внушали, что брать чужое нехорошо, постыдно, а она собирается тайком проникнуть в чужую квартиру и украсть документы. Но ведь другого выхода у нее не было! И папа с мамой, узнай о ее намерении, наверняка бы одобрили затею дочери. Надо же, как все в жизни изменилось – она, студентка философского факультета ЛГУ, превращается в домушницу... Но ведь не ради наживы, а для того, чтобы узнать прав-

ду и восстановить справедливость!

Настя долго размышляла о том, как ей пробраться в квартиру Хрипуновых. Она устроила слежку за патологоанатомом и его ревнивой женой – благо что для этого требовалось только прогуливаться около подъезда и регистрировать все передвижения «объектов».

Спустя три дня Настя узнала, что Степан Игнатьевич практически каждый день ездит куда-то (увязавшись за ним, девушка установила, что он направляется к дачному автобусу номер двадцать шесть), а супруга Хрипунова, Лидочка (в действительности же – Лидия Мироновна), все еще работает, поэтому тоже уходит утром, а возвращается только под вечер.

Самую же интересную информацию Настя почерпнула из разговоров бабулек, сидевших на скамейке перед подъездом. Все они были туговаты на ухо, поэтому говорили громко, и девушка, заняв наблюдательный пункт у соседнего подъезда, без труда услышала то, о чем они беседовали.

Основными темами были политика (бабульки поливали грязью генсека Горбачева), дефицит (подробно обсуждалось то, когда, где и что в ближайшее время выкинут из продуктов или галантерейных товаров), болезни (Настя узнала многое о состоянии здоровья сплетниц) и личная жизнь обитателей дома (тут бабульки были настоящими знатоками и могли бы запросто дать фору членам клуба «Что? Где? Когда?»).

Помимо всего прочего, Настя узнала, что одна из почтенных особ, Марья Прокофьевна, та самая, что докладывала Лидочке о том, кто и когда наведался в ее отсутствие к Степану Игнатьевичу, хранит у себя ключи от некоторых из соседских квартир – старушка слыла надежной и честной.

План созрел в одно мгновение. Настя знала, что вскрыть дверь в квартиру Хрипуновых не сможет – необходимыми воровскими навыками она, дочка прокурора и кандидата философских наук, не обладала. Но кто сказал, что дверь придется вскрывать или выламывать? Она воспользуется запасным ключом, хранящимся у милой Марьи Прокофьевны! Дело упирается лишь в то, как заполучить желанный ключ.

А вот и решение проблемы найдено! Настя купила около расположенного недалеко универсама три гвоздики, а в самом универсаме ей удалось приобрести килограмм овсяного печенья. Затем в киоске «Союзпечать» девушка нашла открытку к Восьмому марта. Праздник вообще-то уже прошел, но ничего, лучше поздравить поздно, чем никогда!

Старушки, как Настя установила в ходе своего наблюдения, покидали стратегически важный объект, то есть скамейку, в промежутке между половиной первого и часом дня – кто-то отпраивался готовить обед для внуков, кто-то собирался прилечь и отдохнуть. В тот день бабушки разошлись

без двадцати час.

Марья Прокофьевна обитала на первом этаже, и ее окна выходили во двор, что позволяло старушке наблюдать за всем, что происходит около подъезда. Настя позвонила в дверь квартиры и через несколько секунд услышала шаркающие шаги. Марья Прокофьевна внимательно изучала Настю в «глазок», потом приоткрыла дверь, забранную на цепочку, и осторожно спросила:

– Вам кого?

– Уважаемая Марья Прокофьевна! – произнесла бодрым голосом Анастасия. – Я – представитель военкомата, в мои обязанности входит поздравить всех женщин – участниц Великой Отечественной войны с прошедшим праздником Восьмое марта и вручить подарки.

Заслышав о подарках, Марья Прокофьевна утратила бдительность, сняла цепочку и распахнула дверь. Настя увидела на пороге невысокую, чуть сгорбленную старушку в темно-синем платье и с аккуратно уложенными седыми волосами, скрепленными на затылке костяным гребнем.

Настя вступила в узкий коридорчик. Марья Прокофьевна пригласила ее на кухню, где предложила выпить чаю («настоящий цейлонский, мне Лидочка принесла, соседка, отличная женщина!»). Настя, конечно же, не отказалась и ловко перевела тему разговора на ту самую добрую соседку Лидочку.

– Она со своим мужем так мучается! – заявила Марья Прокофьевна. – Степан неисправимый юбочник, жену свою

не ценит. Часто вроде на дачу ездит, а кто знает, куда он на самом деле направляется? Наверняка у него любовница имеется, и не одна. Недавно вон что было: появилась к нему молодая деваха, твоего возраста, и стала стучать и звонить в дверь. Точно его молодуха! И до того бесстыжая – пожаловала прямо домой! Ну, я сразу же Лидочке и звякнула, благо она недалеко работает – в шестой поликлинике, тут, за углом...

Настя тактично умолчала о том, что той самой «девахой» была она сама. Хорошо, что Марья Прокофьевна ее не узнала. Новаявленная сыщица поддакивала старушке, прихлебывала жидкий чай и осматривала кухню. Затем спросила, можно ли воспользоваться туалетом, и вышла в коридор. Старушка копошилась на кухне, а Настя огляделась. Где же хозяйка держит ключи? В глаза Насте бросилась небольшая деревянная доска, висевшая за холодильником, – там, на гвоздиках, поблескивало несколько связок. Только вот какая из них от квартиры Хрипуновых? Девушка присмотрелась и увидела приклеенные над каждым гвоздиком бумажки, на которых корявым старческим почерком были выведены фамилии. «Ивановы», «Зюзины», «Борько»... «Хрипуновы»!

Девушка осторожно сняла с гвоздика нужную связку и опустила ее в карман. Вот она и стала воровкой! Но ключи придется вернуть, причем сразу же после того, как она побывает в квартире патологоанатома, ведь старушка может хватиться пропажи. Настя уже все продумала – она якобы «за-

будет» у Марьи Прокофьевны шарф и под вечер вернется, чтобы забрать его, а заодно повесит ключ на гвоздик.

Сердечно поблагодарив старушку, Настя сказала, что ей, к сожалению, пора: необходимо навестить и других ветеранов. Марья Прокофьевна поинтересовалась:

– А к Первомаю подарки тоже будут разносить?

– Я обязательно сообщу вам об этом, – заверила ее Настя и распрощалась. Шарф остался висеть на вешалке, девушка запрятала его под шубу Марьи Прокофьевны так, чтобы старушенция не сразу обнаружила.

* * *

Девушка вышла из подъезда – настырная соседка смотрела в окно и даже махала Насте рукой. Пришлось помахать в ответ и направиться к соседнему подъезду. Выждав несколько минут, Настя осторожно вернулась в подъезд – Марья Прокофьевна отвлеклась и за происходящим во дворе не наблюдала. Поднимаясь по лестнице, девушка столкнулась с какой-то супружеской четой и наконец оказалась около квартиры Хрипуновых. Сердце билось как бешеное. Конечно, ведь сейчас она переступит не только порог чужого жилища, но и тонкую грань, отделявшую ее от мира преступников! Но так Настя поступает не для личного обогащения, ведь обкрадывать Хрипуновых она не собирается, а только ради того, чтобы разоблачить людей, виновных в смерти ее

отца и мамы.

Настя на всякий случай позвонила в дверь – кто знает, ведь Степан Игнатьевич или Лидия Мироновна могли вернуться в то время, пока она пила чай у Марьи Прокофьевны. Пронзительный звонок разнесся по квартире патологоанатома, но дверь никто не открыл. Значит, путь свободен!

Замок тихо щелкнул, створка раскрылась, и девушка проскользнула в темный коридорчик. Первым делом она взглянула на часы – без пяти два. Лидия Мироновна работает обычно до четырех, дома окажется в начале пятого. Степан Игнатьевич вернется на последнем автобусе, то есть после восьми. В ее распоряжении два часа. Их, надеялась Настя, хватит, чтобы отыскать протокол вскрытия.

Она сняла сапоги и осталась в толстых носках. Не забыть бы потом вытереть грязь, оставшуюся в прихожей – у хозяев не должно зародиться подозрение, что в их отсутствие кто-то побывал в квартире. Настя прошла по комнатам – их три, все небольшие, типичная планировка хрущевских времен. Итак, где ей начать обыск?

Девушка открыла книжный шкаф и стала методично вытаскивать и трясти книги одну за другой. Занятие было трудоемким, на него у Насти ушло почти полчаса. Она обнаружила старые открытки, фотографию Лидии Мироновны в купальнике (зрелище, прямо скажем, не самое эстетичное), несколько прокомпостированных трамвайных билетов и даже мятый рубль. Но протокола не было.

Будь она на месте Хрипунова, то куда бы спрятала досье? Вряд ли положила бы на видное место, ведь ревнивая супруга могла запросто найти. Настя раскрыла дверцу кладовки. Да, чтобы обшарить все закоулки, ей понадобится не два часа, в два дня! И все же девушка принялась за обыск.

Ей не повезло – Настя задела рукой банку с солеными огурцами, та полетела вниз и разбилась. Этого только не хватало! Девушка устремилась в ванную, схватила ведро и тряпку и бросилась обратно в кладовку. Осколки и огурцы придется взять с собой, не оставлять же их в помойном ведре в квартире! Настя вскрикнула, почувствовав, что порезалась. Какая же она неловкая! У нее оставалось меньше часа, а она устроила в кладовке погром и забрызгала кровью гладильную доску!

Настя отправилась на поиски домашней аптечки и обнаружила ее в платяном шкафу, стоявшем в супружеской спальне. Девушка залила рану зеленкой, залепила лейкопластырем и обмотала бинтом. Так-то лучше!

В тот момент, когда она закончила манипуляции с порезанным пальцем, до Насти донесся какой-то шум. Еще до того, как девушка сообразила, в чем дело, в прихожей раздались голоса. Хозяева вернулись!

* * *

Настя похолодела. Но как же так, неужели она ошиблась?

Девушка, не дыша, подошла к двери спальни и осторожно выглянула в зал. Судя по голосам, домой пришли и Лидия Мироновна, и Степан Игнатьевич. В какой же переплет она, однако, угодила! Настя посмотрела на балкон – что, если спуститься вниз по пожарной лестнице?.. Но балкон был все еще законопачен и заклеен, да и хозяева обратят внимание на то, что дверь осталась открытой. Ее сапоги и полушубок! Господи, вещи ведь остались в прихожей, а разбитая банка огурцов лежит в ведре, которое находится в ванной!

Перед глазами у Насти все поплыло, ноги сделались словно ватные. И что ей теперь делать? Выходить с поднятыми руками и сдаваться на милость хозяев? Хотя, может, повезет, и хозяева сейчас уйдут, хотя бы пару минут? Или, скажем, отправятся в туалет или ванную, а она тем временем попытается покинуть квартиру...

Раздался смех, и до Насти донеслось:

– Мне щекотно! Прекрати, дурачок! Хи-хи-хи!

Снова выглянув в зал, девушка увидела прелюбопытнейшую картину: Лидия Мироновна в объятиях мужчины, однако не своего законного супруга Степана Игнатьевича, а статного молодого мужчины с черной бородой. Вот это да! Оказывается, ревнивая супруга, которая постоянно подозревает мужа в изменах и настраивает против него соседей, в действительности сама не без греха – зная, что законная половина находится на даче, Лидочка приволокла домой любовника. В том, что мужчина был любовником, а не коллегой по

работе или родственником, Настя не сомневалась: бородач тискал и целовал Лидию Мироновну, а та охала и смеялась.

Они опустились на диван, и Настя осторожно отошла от двери. Надо же, голубки были так увлечены страстью, что не заметили в прихожей чужие сапоги и полушубок! Звуки, доносившиеся из зала, однозначно свидетельствовали о том, что Лидия Мироновна и ее безымянный «милый друг» предаются плотскому греху. Настя в унынии уселась на ковер и прислонилась к стенке. И как долго это будет продолжаться?

– Сейчас, подожди! – услышала она голос Лидочки, и слышались торопливые шаги. Настя еле успела нырнуть в платяной шкаф, как дверь в спальню распахнулась – в комнате возникла Лидия Мироновна, облаченная в черную комбинацию. Она призывно помахала рукой и сказала: – Толик, иди сюда, здесь нам будет удобнее!

«Этого только не хватало», – вздохнула про себя Настя. Сквозь щель она наблюдала за тем, как в спальню прошел бородач, одетый только в полосатые семейные трусы. Настя закрыла глаза и заткнула уши – стоны и охи сделались невозможными. Внезапно в носу у девушки защекотало – шкаф был пропитан нафталиновой вонью, да и пыли здесь хватало. Настя постаралась подавить чих, но у нее не вышло. Но распаленные страстью любовники ничего не слышали. Настя перевела дух – в носу немедленно снова защекотало, и она оглушительно чихнула три раза подряд.

Девушка с ужасом увидела, как Толик на кровати дернул-

ся, а Лидия Мироновна, подскочив, произнесла:

– Ты слышал?

– Да, наверное, на улице фыркнуло, – ответил бородач. – Лидочка, давай продолжим!

– Я в поликлинике работаю и не сомневаюсь: кто-то только что чихнул! – заявила Лидия Мироновна.

– Но кто мог чихнуть, если в квартире мы одни? – спросил Толик. – Разве что какие-нибудь барабашки и полтергейсты, про которых сейчас в газетах пишут?

И словно в подтверждение его мысли Настя чихнула еще раз. Правда, она зажала себе рот руками и спрятала голову между коленок, но ничего не помогло – из шкафа донесся приглушенный странный звук.

– Толик, мне страшно! – крикнула Лидия Мироновна. – Это идет из шкафа! Посмотри!

– Лидочка, да успокойся ты! – послышался несколько взволнованный голос бородача. – И вообще, мне что-то сейчас расхотелось, мне домой пора, жена, наверное, уже с работы пришла...

– Это он! Степан! – выдохнула Лидочка. – Он в шкафу спрятался! Господи, что сейчас будет!

– Ну, мне точно пора! – заявил бородач. – Сама со своим мужем-придурком разбирайся. Если он до того дошел, что в шкафу засаду устраивает...

Лидия Мироновна приблизилась к шкафу и ласковым голосочком просюсюкала:

– Степочка, я тебе все объясню, золотой мой! Уверяю тебя, ты не так все понял! Давай только без сцен, а поговорим как цивилизованные люди!

И Хрипунова распахнула шкаф. Настя от ужаса глотнула пыльного, пропитанного нафталином воздуха и снова оглушительно чихнула. Облаченная в комбинацию Лидия Мироновна уставилась на незнакомую девицу, попятилась, наткнулась на грядущку кровати...

– Не бойтесь! – сказала Настя, вылезая из шкафа. – Я не любовница вашего мужа, уверяю вас. Сейчас я все вам расскажу по порядку...

Лидия Мироновна дико завопила, причем с такой силой, что у Насти заложило в ушах. Крик Хрипуновой больше походил на завывание сирены, оповещающей жителей о налете вражеской авиации. Лидочка схватила стул и швырнула его в Настю. Девушка чудом увернулась, и стул ударился о шкаф.

В спальню влетел бородач, успевший натянуть штаны.

– Степан Игнатьевич, не бейте Лидочку! – вопил он, но слова так и застыли у него на губах. Толик тупо уставился на Настю.

– Она! В шкафу! Там! – тыкая в нее пальцем, кряхтела Лидия Мироновна. – Ух, тварь!

Настя попятилась, споткнулась о стул и полетела на пол.

– Прошу вас, я могу все объяснить! – залепетала девушка. – Я тихонько взяла ключи у Марьи Прокофьевны, потому что мне очень надо было побывать в вашей квартире, но

так, чтобы вы ничего не знали. Речь идет о жизни и смерти, тайна связана с моими погибшими родителями!

На Настю надвинулся бородач, поигрывавший мускулами и свирепо взиравший на нее. Лидия Мироновна схватила трубку телефона, стоявшего на прикроватной тумбочке, набрала две цифры и затараторила:

– Милиция? Срочно выезжайте по следующему адресу... Что случилось? Воровку в квартире задержали, вот что случилось! Меня зовут Лидия Мироновна Хрипунова. И свидетель есть – мой... коллега, санитар Анатолий Геннадьевич Полянский. Как быстро приедете? Хорошо. Только шевелитесь! Да, пока мы с ней справимся!

Положив трубку на рычаг, Лидия Мироновна повернулась к Насте и заявила:

– Ну что, дрянь, я лично прослежу за тем, чтобы ты оказалась на зоне. А теперь, Толик, одевайся. Милиция приедет минут через пять. Скажешь, что помог мне сумки донести до дома. Этой гадюке, что бы она ни утверждала, все равно никто не поверит.

* * *

– Анастасия Всеволодовна, в ваших же интересах сотрудничать со следствием и сделать чистосердечное признание, – заявил молодой тип, сидевший за письменным столом.

Настя посмотрела на него – чуть старше ее, а уже рас-

поряжается человеческими жизнями. Вернее, в данный момент от него зависит судьба только одного человека – ее самой. Следователя звали Андрей Олегович Воскобойников, ему было вряд ли больше двадцати пяти, и особой красотой он не отличался – рыжие волосы, веснушчатое лицо, белесые брови. Однако обращался следователь с Настей корректно и вежливо, что заставляло надеяться: Воскобойников во всем разберется.

Девушке не хотелось вспоминать о том, что произошло в предыдущий день...

Милиция в самом деле приехала достаточно быстро – пусть не через пять, а через десять минут, но Лидии Мионовне и ее любовнику хватило времени, чтобы одеться, привести себя в порядок и замести следы прелюбодеяния. Настя имела глупость угрожать им, заявив, что если они отпустят ее и скажут милиции, что вызов был ложным, то она будет держать язык за зубами и не расскажет о том, чему стала невольной свидетельницей. Услышав такие слова, санитар Полянский поднес к лицу Насти внушительных размеров кулак и пригрозил:

– Пигалица, я ведь сейчас могу тебе рожу расквасить и вообще дух из тебя вышибить, и Лида подтвердит, что ты пыталась на меня с ножом напасть, так что я защищался и имел право тебя кокнуть. Забудь, что видела. И вообще, ты ничего же и не видела!

– Кто ей поверит? – поддакнула Лидия Мионовна. –

Обычная домошница пытается выгородить себя, сочиняет небылицы. Никто в милиции и прокуратуре ее и слушать не будет!

Перед прибывшей милицией Лидия Мироновна и санитар Полянский разыграли отличный спектакль – в один голос заявили, что Анатолий Геннадьевич помог донести Хрипуновой до квартиры сумки, и тут-то они застали с поличным воровку, которая обшаривала шкаф.

Настя пыталась оправдаться, однако ее никто не слушал, а один из милиционеров только цыкнул на нее:

– Заткнись-ка! Значит, это ты на нашем участке уже полгода обчищаешь квартиры? Вот ведь шалава! У нас из-за тебя головная боль!

– Да, конечно, она! – услышала Настя приглушенные голоса на лестничной клетке. – Вне всяких сомнений! Она мне сразу не понравилась, взгляд у нее был какой-то бегающий...

Но хуже всего было выступление Марьи Прокофьевны. Старушка давала показания сразу двум милиционерам, а заметив Настю, ткнула в нее пальцем и заголосила:

– Точно, точно, вот она преступница! Заявила мне, что от военкомата подарки разносит, а я, старая дура, уши развесила. Она даже овсяных печенюшек принесла, а сама ключ хрипуновский у меня сперла. Наверняка когда якобы в туалет ходила. Я-то еще удивилась, почему вода все не льется, бачок-то ведь обычно ревет, как реактивный самолет. А она ключ в то время тырила!

Настю запихнули в милицейский «уазик» с зарешеченными окнами и доставили к большому желтому зданию, в котором располагался следственный изолятор. Девушка попыталась поставить сопровождавших ее милиционеров в известность о том, что хочет немедленно побеседовать с прокурором, на что те ответили:

– Вот вызовут тебя на допрос, там и расскажешь, как квартиры обчищала.

Насте пришлось пройти через процедуру снятия отпечатков пальцев и сдать все свои личные вещи, после чего ее по гулким коридорам отконвоировали в одну из камер. Заскрежетала дверь, Настя оказалась в большом помещении. Такое она видела только в кино про милицию, а теперь самой пришлось оказаться в столь малоприятном месте.

В нос ей сразу же ударил острый запах давно не мытых человеческих тел и экскрементов. Настя замерла на пороге. Конвоир подтолкнул ее, захлопнул дверь и, распахнув зарешеченное оконце, предупредил:

– Будете шуметь, бабы, плохо придется!

Девушка, ежась, осмотрелась. В камере находились семь или восемь женщин. Они бросили взгляд на новенькую, слышался чей-то сальный голос:

– Вот и пташка с воли прилетела! Да не абы какая, а настоящая жар-птица!

– Добрый день, – сказала вежливо Настя.

В ответ слышался гогот:

– Добрый? Для кого, для тебя, что ли? Скорее для нас!

Настя смутилась. Как надо вести себя в тюрьме, она не знала. Впрочем, ведь это всего лишь следственный изолятор, и здесь должны царить другие нравы. Она была уверена, что, самое позднее, на следующий день все выяснится и неприятности для нее закончатся. Конечно, ей придется понести наказание (штраф, наверное, заплатить) за то, что она проникла в квартиру Хрипуновых. Но проникла-то без корыстных намерений!

– Ну что стоишь? Впервой, что ли, в санатории? – хихикнула одна из женщин, высокая, костлявая, некрасивая, расположившаяся на нижних нарах. – Ну, иди ко мне, крошка, я тебе покажу пару фокусов!

Настя с опаской взглянула на нее и подошла к пустым нарам. Не успела она сесть, как костлявая, подскочив к ней, заявила:

– Брысь отсюда, новенькая!

Девушка, не привыкшая к подобному обращению, покраснела и пролепетала:

– Прошу прощения, я не знала, что это ваша кровать. Но ведь, если не ошибаюсь, у вас уже имеется свое место...

– Кровать! Ты еще скажи – мягкое купе! – захохотала костлявая, рот которой, как отметила Настя, был полон золотых зубов. Тетка еще и толкнула Настю в грудь, прикрикнув: – Ну, пошла прочь!

– Извините, но мне тоже надо где-то прилечь... – продол-

жала Настя миролюбиво – конфликтовать с обитательницами камеры в ее планы не входило.

– Прилечь? – спросила игриво костлявая и схватила вдруг Настю за щеку. – Румяная какая! И наверняка вкусная, как зефирчик! Под меня и приляжешь, а я тебя собой и накрою!

«О чем она говорит?» – подумала в смятении Настя. Ей приходилось слышать, что в тюрьме царят свои нравы, совершенно особые, разительно отличающиеся от тех, что приняты в цивилизованном обществе.

А золотозубая тетка продолжала наступать на Настю. Она уже хватала девушку за груди, живот и причитала:

– А молодая-то какая! И симпатная! И, главное, интеллигентная! Что, профессорская дочка небось? Чем занимаешься, наркотой торгуешь? Или своим телом? Ну, здесь ты уже им торговать не сможешь, придется бесплатно отдавать. Мне!

Настя беспомощно обернулась, но все прочие обитательницы камеры делали вид, что происходящее их не занимает. Костлявая загнала Настю в угол, где стояла жутко пахнувшая параша, Настя поскользнулась, упала, а тетка засмеялась:

– О, вот твое место! Вот и твоя кровать, и твой спальничек! А если хочешь место получше, на нарах, то подари мне свой поцелуйчик. Тетя Женя добрая, тетя Женя тебя утешит и приголубит.

– Уберись! – услышала Настя тихий, но строгий голос, и костлявая тетя Женя моментально отстала от Насти. Де-

вушка увидела невысокую плотную женщину лет сорока с небольшим, с ежиком коротких седых волос и красивыми карими глазами.

– А что, я ничего! – залебезила тетя Женя. – Так бы сразу и шепнула, Княгиня, что девчонка твоя. Да и не нужна она мне, много чести ей с тетей Женей общаться!

– Спасибо! – сказала Настя, обращаясь к своей спасительнице.

Та подошла к одним из нар, спихнула с них какие-то вещи и произнесла:

– Здесь будет ее место. Понятно? Или кто хочет возразить?

Желающих возразить Княгине не нашлось. Настя, поднявшись, прошла к нарам и осторожно уселась на них. Еще сегодня утром она и помыслить не могла, что окажется в следственном изоляторе! Что же с ней будет? И чем все закончится?

Она всю ночь думала об этом, не в состоянии заснуть. Одна из соседок даже проворчала:

– Перестань ворочаться, а то спать не даешь!

Настя, сжавшись в комок, закусила зубами ладонь и тихонько заплакала. Как же все нелепо получилось! Она была уверена, что сможет разыскать в квартире патологоанатома Хрипунова протокол вскрытия, а вышло совсем иначе.

Утром Настю вызвали на допрос. Из следственного изолятора ее доставили в здание городской прокуратуры – там когда-то находился кабинет отца. Девушка хорошо обдумала то, что скажет: ей не имеет смысла запираяться или скрывать правду, она поведает все, как есть.

Следователь оказался молодым, что Насте не понравилось. Ей требовался бывалый служака, который знает, как реагировать в подобных ситуациях, но делать было нечего. Она сообщила, что желает сделать заявление, и принялась говорить.

Следователь Воскобойников практически не прерывал Настю, а когда она закончила рассказ, поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и, остановившись, вдруг сказал:

– Анастасия Всеволодовна, я вам верю.

У Насти отлегло от сердца. Ну наконец-то все сдвинулось с мертвой точки!

– Я помню то шумное дело, – продолжил Воскобойников, имея в виду смерть прокурора Лагодина. – О нем до сих пор вспоминают. Однако на вашем месте я бы поостерегся заявлять о своем родстве с покойным – последствия могут быть непредсказуемые.

– Какие такие непредсказуемые последствия? – удивилась Настя. Ей казалось, что теперь, после того как она сдела-

ла чистосердечное признание, все изменится. Причем в лучшую сторону.

Андрей Олегович посмотрел на нее в упор.

– Буду с вами откровенен – о том, что в Нерьяновске имеется организованная преступная группировка, в народе именуемая мафией, ни для кого не является секретом. Впрочем, подобная «мафия» существует в каждом большом городе. И я допускаю мысль, что ваш отец был убит, так как наступил на хвост представителям этой самой мафии.

– Вы допускаете мысль! – воскликнула, рассердившись, Настя. – Но ведь я говорю чистую правду! Так было на самом деле!

– У вас имеются доказательства? – парировал Воскобойников.

– Протокол вскрытия, который находится в руках Хрипунова... – начала девушка, но следователь отмахнулся:

– Какой протокол? Это ведь не более чем ваши домыслы, Анастасия Всеволодовна!

– Но можно же провести в квартире Хрипунова обыск... – пробормотала девушка, а Воскобойников усмехнулся:

– И на каком основании? Только по той причине, что некая особа, тайком залезшая в квартиру к потерпевшему, заявляет, что у него-де должен иметься какой-то там протокол, существование которого весьма сомнительно?

Настя упрямо вскинула голову:

– Но вы же сказали, что верите мне, Андрей Олегович!

Если бы вы поговорили со своим начальством, то...

Воскобойников, усевшись на стул, заявил:

– Начальство мне, расскажи я ему вашу историю, конечно же, не поверит, и будет совершенно право. Знаете, что мне приходится выслушивать от арестованных, желающих уйти от ответственности? Целые романтические поэмы и приключенческие романы! И, конечно, никто не виноват в том, в чем его обвиняют, и, уж естественно, пойти на преступление каждого заставили особые, невероятные обстоятельства, все разъясняющие и оправдывающие!

Настя повторила:

– Вы сказали, что верите мне. Так почему тому же не поверит и ваше начальство?

Следователь взглянул на Настю и усмехнулся:

– А вы не допускаете такой возможности, Анастасия Всеволодовна, что начальство тоже является интегральной частью той самой мафии?

Слова Воскобойникова были так неожиданны, что девушка вздрогнула.

– Получается, вы знаете, что ваше начальство связано с преступниками, и ничего не предпринимаете... – наконец смогла она заговорить, но следователь ее перебил:

– Никаких домыслов, Анастасия Всеволодовна! И вообще, мы отклонились от нашего основного занятия – выяснения того, что произошло на квартире потерпевших Хрипуновых.

– Я вам уже рассказала, что там произошло, и мне больше нечего добавить. Вы... вы должны мне помочь! Андрей Олегович, вы же видите, что никакая я не воровка. Тем более не рецидивистка. Зачем мне понадобилось приезжать из Ленинграда в Нерьяновск – чтобы залезть в квартиру Хрипуновых и стащить двадцать рублей из серванта и пару дутых золотых колец? Это же совершенно неправдоподобно!

Воскобойников, откинувшись на спинку стула, парировал:

– Ну почему же, Анастасия Всеволодовна. Многие из грабителей и домушников путешествуют по Союзу, останавливаются в провинциальных городах, совершают преступления и отбывают восвояси.

– Я – студентка философского факультета ЛГУ! – обиженным тоном заявила Настя. – Мой отец был прокурором города, а мама – доцентом университета!

– Как будто студентки не совершают преступлений... – усмехнулся Воскобойников. – А должность ваших родителей, к тому же покойных, вообще не имеет значения. Наоборот, можно предположить, что их смерть, а также внезапная потеря вами бывшего благополучия и привели к тому, что вы решились на квартирные кражи. Вы ведь мошенническим путем проникли в жилище гражданки Петуховой Марьи Прокофьевны и похитили у нее ключи от квартиры Хрипуновых?

– Да, но... – сказала Настя, но следователь снова ее пере-

бил:

– А затем открыли квартиру Хрипуновых и пробыли там, по вашим собственным словам, больше часа?

– Все так, но... – опять попыталась возразить Настя, однако Андрей Олегович, казалось, не замечал ее попыток.

– И наконец, вы были застигнуты с поличным гражданкой Хрипуновой Лидией Мироновной, в сопровождении гражданина Полянского Анатолия Геннадьевича вернувшейся в квартиру.

– Я уже сказала, что Хрипунова и бородатый санитар, Полянский, занимались... ну, вы сами понимаете... Они – любовники, а Лидия Мироновна обманывает мужа...

– К делу ваши спекулятивные заявления отношения не имеют, – отрезал Воскобойников. – Тем более что Хрипунова и Полянский заявляют противоположное. И даже если предположить, что Хрипунова и Полянский в самом деле состоят во внебрачной связи, то это нисколько не умаляет тяжесть совершенного вами преступления, Анастасия Всеволодовна.

Настя растерялась и пролепетала:

– Но ведь я не хотела совершать кражу... Вернее, все же хотела, но мне не нужны были деньги, украшения или вещи! Только протокол вскрытия!

– Вы сейчас так говорите, Анастасия Всеволодовна, – улыбнулся холодно Воскобойников, – но следствие вправе подвергнуть сомнению ваши заявления.

– Вы же сказали, что верите мне! – взмолилась девушка. – Только что сказали, Андрей Олегович! А теперь выходит, что вы подвергаете все сомнению?

– Я просто наглядно продемонстрировал вам, Анастасия Всеволодовна, как легко опровергнуть ваши слова и разбить в пух и прах вашу версию. Однако имеются факты, свидетельствующие и в вашу пользу...

Настя, чувствуя прилив сил, во все глаза смотрела на молодого следователя.

– К примеру, тот факт, что вы пробыли в квартире Хрипуновых больше часа, косвенным образом доказывает ваши слова. Обыкновенный домушник тратит в среднем от семи до десяти минут на то, чтобы прошерстить квартиру. Но час с лишним – это чересчур! Однако не спешите радоваться. Столь длительное нахождение в жилище Хрипуновых может также говорить и о том, что вы просто неопытная еще воровка. Да и свидетельница, она же пострадавшая, Петухова путается в показаниях, не в состоянии назвать точное время, когда вы покинули ее. Из чего следует, Анастасия Всеволодовна, что ваши показания относительно того, будто вы пробыли в квартире Хрипуновых более часа, ничем не подтверждаются. И даже если будет доказано, что вы, Анастасия Всеволодовна, провели в квартире потерпевших час с лишним, это не будет свидетельствовать в вашу пользу. Наоборот, данный факт можно истолковать как желание собрать как можно больше ценных вещей, что, соответственно, го-

ворит против вас.

– Сколько мне дадут? – упавшим голосом спросила Настя. Только в тот момент до нее дошло, что дела очень плохи. Она надеялась, что ей поверят, что отнесутся к ней со снисхождением. Она надеялась, что ее отца помнят в прокуратуре и, возможно, сделают ей поблажку.

Андрей Олегович вздохнул и начал перечислять:

– Хотя вас взяли с поличным и свидетельская база обширная, вы сами признались в содеянном, что можно истолковать как чистосердечное признание. Милиция ведет расследование ряда краж, произошедших в последние полгода в Нерьяновске, однако вы, тут можно сказать с большой долей уверенности, не имеете к ним отношения – во-первых, там действует банда, во-вторых, вы в последние полгода находились в Ленинграде, что легко доказуемо, и прибыли в Нерьяновск только пять дней назад. Таким образом, подозрения в том, что вы совершаете не первую кражу, снимаются.

Теперь Анастасия шумно вздохнула, а следователь продолжил:

– Однако никаких причин для радости нет. Неоспорим факт вашего проникновения в квартиру гражданки Петуховой под ложным предлогом и похищения у нее ключей от квартиры Хрипуновых. Также не подлежит сомнению и то, что вы при помощи похищенных ключей проникли в квартиру Хрипуновых, где пытались, по всей видимости, похитить ценные вещи – ваши отпечатки обнаружены на шкафах,

серванте, даже на шифоньере. Конкретную меру наказания определит суд, однако, по всей видимости, вы получите от трех до пяти лет лишения свободы.

Настя замерла, а затем расплакалась. Сколько она ни силась сдержать рыдания, ничего не получилось. Воскобойников протянул ей платок и налил из графина воды в стакан.

– Понимаю ваше состояние, Анастасия Всеволодовна, но таков Уголовной кодекс РСФСР, – сказал он несколько более мягко. – С учетом чистосердечного признания, а также того факта, что вы ранее судимы не были, можно рассчитывать на снисхождение со стороны суда. Я бы сказал – вы получите три или три с половиной года. Если будете себя примерно вести в колонии, то выйдете на свободу досрочно. Не исключен и вариант амнистии. Таким образом, вам придется провести за решеткой примерно два года. При благоприятном раскладе, конечно.

Два года! Два года в колонии! Среди женщин-преступниц, подобных тем, что находились в следственном изоляторе!

– А нельзя ли что-то сделать? – робко произнесла, высморкавшись, Настя. Она отпила воды из стакана и с надеждой посмотрела на следователя Воскобойникова. – Если вы все же поговорите со своим начальством... Может быть, мне написать заявление на имя прокурора или министра внутренних дел? Или даже на имя генерального секретаря?

– Это ваше законное право, но сомневаюсь, что послание достигнет адресата. А если и достигнет, то на вашу судьбу

никак не повлияет, – заметил Андрей Олегович. – Разрешите дать вам совет, Анастасия Всеволодовна. Если ваша история правдива, то вам надо держать язык за зубами. Кроме того, Анастасия Всеволодовна, я не намерен рисковать из-за вас и вашей сомнительной истории своей карьерой. Поэтому советую вам забыть о некоем протоколе вскрытия, а остановиться на версии, что вы, терзаемая финансовой нуждой, попытались проникнуть в квартиру Хрипуновых, дабы поживиться деньгами и вещами.

Настя, вытерев слезы, заявила:

– Вы что, работаете на них? Ну, на мафию! Склоняете меня к признанию вины...

Воскобойников хлопнул папкой по столу:

– Анастасия Всеволодовна, любой другой на моем месте не спустил бы вам подобной реплики, однако я, так и быть, оставлю ее без последствий. Я просто пытаюсь спасти вашу шкуру. Однако если вы хотите, то, так и быть, давайте занесем в протокол все, что вы мне сообщили. И посмотрим, как долго вы после этого проживете. Лично я думаю, даже не успеете попасть в колонию! Неужели вы не понимаете, что единственная для вас возможность спастись в сложившейся ситуации – набрать в рот воды и молчать? Вы находитесь в смертельной опасности!

– Я не хотела вас обидеть, Андрей Олегович. Мне очень жаль, если я вас обидела, – примирительным тоном сказала Настя. – Но я знаю, кто может мне помочь – Глеб Романо-

вич Остоженский! Он сейчас в Москве, но раньше работал в Нерьяновске. Он – генерал-майор КГБ и точно что-нибудь придумает!

– Скорей всего, Глеб Романович даст вам тот же самый совет, что и я, – забыть о произошедшем, причем раз и навсегда, – возразил Воскобойников. – Вам будет назначен государственный защитник, и, думаю, он не откажет вам в просьбе связаться с генерал-майором Остоженским. На сегодня допрос закончен, Анастасия Всеволодовна. Впереди выходные, так что у вас достаточно времени подумать о том, что я сказал. Забудьте историю о мафии, как страшный сон. Два года колонии – отличный расклад. Когда вы выйдете, то сможете начать новую жизнь, что у вас, не сомневаюсь, получится.

Следователь нажал кнопку, вызывая в кабинет конвоиров.

* * *

Когда Настю увели, Андрей поднялся, подошел и откинул занавеску. Девица, скорее всего, говорила правду. Одно из двух – или она непроходимая идиотка, или гениальная актриса. И все же он склонялся к первой версии. Да, попасть в жернова судебной системы очень легко, а вот выбраться оттуда неувредимым – практически невозможно.

Воскобойников осторожно потрогал колючки стоявшего на подоконнике кактуса. Совсем зажух, он ведь не поливал

его, пожалуй, с лета. А говорят, что кактусам вода противопоказана!

О деле Лагодина он, как и все работники прокуратуры, был наслышан. Доходили и смутные, глухие слухи о том, что в смерти тогдашнего прокурора города не все было так просто. Кое-кто намекал, что кончина Всеволода Петровича напрямую связана с его расследованиями и с тем, что он перешел дорогу могущественным людям.

Андрею было жаль девчонку, но ведь не он ее заставлял лезть в чужую квартиру. Ну, предположим, она бы нашла протокол вскрытия, спрятанный, скажем, под банками с маринованными помидорами в кладовке или под паласом в спальне. И что? Глупышка поскакала бы немедленно в прокуратуру или, возможно, обратилась бы на телевидение. Скандала бы все равно не случилось, так как одного протокола вскрытия мало, но влиятельные люди по своим каналам узнали бы о том, что Анастасия Всеволодовна вышла на их след. И дурочка разделила бы судьбу своих родителей. Еще одно убийство, замаскированное как самоубийство, разбойное нападение на улице или элементарный несчастный случай. Или девчонка просто-напросто бесследно исчезла бы, и ее тело никогда бы не нашли.

Ей сказочно повезло, что дело о попытке ограбления квартиры Хрипуновых приземлилось на столе следователя Воскобойникова. Другой бы, услышав историю Насти, сразу же доложил начальству, а верхушка наверняка связана с так

называемой мафией. Девчонка бы умерла еще в следственном изоляторе. А он фактически спас ей жизнь. Правда, заботился Андрей Олегович Воскобойников в первую очередь не об Анастасии Всеволодовне Лагодиной, а о себе самом.

Андрей с тоской посмотрел на оживленную улицу около здания городской прокуратуры. Говорили же ему родители, что нечего соваться на юридический. А он их не послушал. Мог бы после армии пойти в медицинский или, на худой конец, в педагогический – мужчин в школе катастрофически не хватает, и он бы смог быстро стать завучем, а потом, глядишь, и директором. А все его тяга к справедливости! В том, что справедливости нет, Андрей убедился еще в армии – ему пришлось побывать в Афганистане. Он ведь мог погибнуть много раз, но жизнь потеряли его лучшие товарищи...

Воскобойников снова подумал о Насе. Да, он убедит ее забыть об истинных мотивах проникновения в квартиру Хрипуновых. Девчонка отсидит, выйдет на свободу и станет жить как раньше. У нее получится.

И все же, получается, он покрывает мафию? Что такое мафия, Андрей знал не понаслышке. Из того же Афганистана наркотики переправляли в Таджикистан, а оттуда распространяли отраву по всему Союзу или везли дальше, за границу, в Западную Европу. Довелось ему как-то побывать в доме одного афганского наркобарона – настоящий дворец, все в золоте, везде крутая техника, в гараже – невиданные автомобили. У мерзавца и личный гарем имелся, прямо как

у злодея Абдуллы в фильме «Белое солнце пустыни». Причем он был всего лишь мелкой сошкой, одним из местных боссов, который получает не так много по сравнению с теми, кто перепродает зелье и гребет миллионы или даже миллиарды.

Да, получается, что Андрей покрывает мафию. Как свою, родную, советскую, так и связанную с ней зарубежную. Однако разыгрывать из себя комиссара Каттани из телесериала «Спрут» у него не было ни малейшего желания. Он помог этой идиотке с философского факультета ЛГУ советом, а теперь забудет обо всем, что ему стало известно. Так спать спокойнее.

Андрей взглянул на снующих по улице людей, на фырчащие автобусы и звенящие старенькие трамваи. Следовательно не сомневался: он принял верное решение. Однако почему на душе-то так паршиво?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.